

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования  
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК  
кафедра русской и зарубежной литературы

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ  
В ГЭК И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ  
ЗАИМСТВОВАНИЯ  
Заведующий кафедрой  
д-р фил. наук, профессор  
 Н.А. Рогачева  
20.06. 2018 г.

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА**  
(магистерская диссертация)

ПОЭТИКА СИБИРСКОГО ЛАНДШАФТА В РОМАНАХ Д.Н. МАМИНА-  
СИБИРЯКА «ХЛЕБ» И «БЕЗ НАЗВАНИЯ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ  
АСПЕКТ

45.04.01 Филология

Магистерская программа «Русский язык и русская литература для иностранцев»

Выполнил работу  
Студентка 2 курса  
очной формы обучения



Шелудкова  
Юлия  
Владимировна

Научный руководитель  
д-р фил. наук, профессор



Эртнер  
Елена  
Николаевна

Рецензент  
д-р пед. наук, доцент



Обласова  
Татьяна  
Владимировна

г. Тюмень, 2018

## СОДЕРЖАНИЕ

|  |    |
|--|----|
| ВВЕДЕНИЕ .....   | 2  |
| ГЛАВА 1. ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В НАУЧНОМ<br>ОСВЕЩЕНИИ .....   | 8  |
| 1.1. Категория пространства в художественном тексте .....  | 8  |
| 1.2. Геокультурный подход к изучению пространственных<br>образов в художественном произведении .....                   | 12 |
| ГЛАВА 2. СИБИРСКИЙ ЛАНДШАФТ КАК ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ<br>ТОПОС В РОМАНАХ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ХЛЕБ» И «БЕЗ<br>НАЗВАНИЯ» ..... | 17 |
| 2.1. Трансформация образа Сибири в русской литературе .....  | 17 |
| 2.2. Сибирский край в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и<br>«Без названия» .....                                    | 23 |
| 2.3. Сибирский город в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и<br>«Без названия» .....                                   | 34 |
| ГЛАВА 3. ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ Д.Н. МАМИНА-<br>СИБИРЯКА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК<br>ИНОСТРАННОГО .....            | 41 |
| 3.1. Лингвокультурологический аспект изучения русского языка<br>как иностранного .....                                 | 41 |
| 3.2. Сибирский ландшафт в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка на<br>уроках РКИ .....  | 48 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....   | 64 |
| БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК .....   | 70 |

## ВВЕДЕНИЕ

Исследование ландшафта является важным элементом анализа художественного произведения. Использование географических образов помогает автору создать целостный образ картины мира. По мнению Д. Замятина, географический образ – это «феномен культуры, система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, страну, регион)» [Замятин 2010, 29]. Попытки осмыслить роль пространства в художественном тексте привели к созданию понятия геокультурного топоса. Оно означает, что ландшафт, описанный в произведении, приобретает культурное значение и раскрывает особенности ландшафтного мышления писателя. В настоящем исследовании под геокультурным топосом мы понимаем конкретный географический объект, реально существующий ландшафт, образ которого воплощается в художественном тексте.

Можно ли воспринимать географический образ, созданный писателем, как феномен культуры, как геокультурный топос? Безусловно, можно. Тот ландшафт, который создается автором, отражает как его собственное, так и национальное представление о мире. Использование геокультурных топосов в художественных произведениях указывает на место как реальную географическую территорию и символично отображает восприятие мира героями, их мироощущение и опыт самопонимания. В то же время созданные писателем географические образы основываются на исторической традиции и вместе с тем открывают новые смыслы ландшафта. Посредством героя писатель воссоздает состояние городской среды, передает влияние на нее исторических событий, формирующих мышление и мировосприятие целого поколения. Таким образом, географический топос в художественном произведении – носитель культурной традиции, поскольку он обусловлен особенностями мышления и восприятия мира исторически сложившейся «среды».

Активное изучение локальных текстов русской культуры началось в 1980-х годах. Это связано, в первую очередь, с развитием идей М.М. Бахтина о хронотопе, а также с распространением концепции семиотичности пространства в художественном произведении, его знаковой природы. В отечественном литературоведении известны исследования «петербургского», «московского», «крымского», «пермского», «сибирского» текстов и др.

В современных исследованиях пространственных локусов в литературе особое внимание уделяется аспекту их культурного значения. Осмысление роли пространства в художественном тексте помогает раскрыть авторское отношение к описываемому ландшафту и выделить характеристики места, которые формируют образ ландшафта в культуре конкретного исторически сложившего региона.

«Литературный ландшафт» – это результат взаимодействия географического и литературного пространств, то есть «реальный географический ландшафт, образ которого обладает устойчивыми чертами в литературе». В нашем исследовании мы разделяем точку зрения В.Е. Андреева, который понимает литературный ландшафт как «воображаемую реальность, созданную одним или несколькими писателями» [Андреев 2007, 132]. Литературный ландшафт – это совокупность текстов, объединяющих все многообразие символических образов одного региона, одного ландшафта. Для нас также важно понятие «личностного литературного ландшафта» [Калуцков, Матасов 2017, 26, 27]. Такой ландшафт представляет собой художественный образ географического места, связанного с определенной личностью, автором. Таким образом, мы можем определить, какими особенными чертами разные писатели наделяют тот или иной топос.

Образ Сибири в литературе имеет устойчивые черты, которые обусловлены как географическим положением, так и историческим развитием территории. Литературный образ Сибири многогранен. Тенденции признавать отличительные черты сибирской литературной традиции проявились еще в 1830-е годы, после выхода книги Г. Кенига

«Литературные картины России» (1837) [Анисимов 2005, 3]. В литературе XIX века сформировалось два главных, контрастных по отношению друг к другу образа Сибири. Один олицетворяет «чужое», «мертвое», «гиблое» место, другой – «родную» землю, «прекрасное» место, «дом». Но встречаются и другие мифологемы. Например, образ Сибири как «царства» или «страны», как части России и «чужой», не относящейся к ней территории, часто Сибирь ассоциируется с ссыльным местом, тюрьмой, местом нужды.

**Актуальность и новизна** работы связаны с рассмотрением сибирского ландшафта в лингвокультурологическом аспекте и выявлением связи между созданным в художественном тексте географическим образом и его реальной ипостасью. Понятия геокультурного топоса появилось на стыке географии и филологии и означает образ географического места, изображенного в художественном произведении. Анализ романов Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» позволяет проанализировать сибирский ландшафт в аспекте геокультурологии, что поможет выявить особенности восприятия сибирского региона в конце XIX века, а также определить связь между художественным ландшафтом и национальными представлениями о нем. Эта связь позволит говорить о географической номинации ландшафта как о культурном феномене.

**Объектом** исследования являются романы Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия». Выбор объекта мотивируется тем, что оба романа принадлежат «сибирскому» тексту русской культуры, в них ярко воплощается ландшафт края и репрезентируется новая мифопоэтика места.

**Предмет** исследования – сибирский ландшафт в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия».

**Цель** данной работы – исследование поэтологии сибирского ландшафта в романах «Хлеб» и «Без названия» и выявление функциональной природы доминантных геокультурных топосов, а также рассмотрение лингвокультурологического потенциала романов писателя в аспекте изучения русского языка как иностранного.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить геокультурный ландшафт в научном освещении;
- проанализировать специфику и способы художественной репрезентации геокультурных топосов Сибири в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия»;
- исследовать мифопоэтику сибирского ландшафта Д.Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской прозы XIX века;
- рассмотреть проблемы лингводидактики, связанные с работой над художественным текстом в иностранной аудитории (понимание, адаптация текста, комментарии);
- предложить вариант урока по русскому как иностранному, выявить особенности интерпретации сибирского ландшафта Д.Н. Мамина Сибиряка иностранными студентами.

Методологическую основу работы определяет использование геокультурного подхода к изучению ландшафта в литературе. Задачей данного подхода является исследование природы геокультурных топосов в художественном тексте. Иными словами, геокультурный подход призван выявить роль и значение вводимых в художественное произведение географических номинаций, то есть изучить текст на уровне символики пространства.

**Теоретическая значимость** научной работы заключается в развитии принципов анализа художественного произведения в аспекте изучения геокультурных топосов. Кроме того, исследование может быть полезно представителям культурной географии, которые стремятся познать способы символизации «реального ландшафта» в литературе. Таким образом, работа носит междисциплинарный характер.

**Практическая значимость** исследования заключается в анализе сибирского ландшафта в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» с помощью геокультурного подхода, а также в проведении урока

«Ландшафт Сибири в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» в иноязычной аудитории. Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов или уроков по поэтике ландшафта и творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка.

**Теоретическую основу** исследования составили научные труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам изучения художественного пространства М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.И. Топорова, Б.А. Успенского, В.И. Тюпы, В.Г. Щукина; геофилософии пространства Э. Гуссерля, М. Хайдеггера; геокультурологии Д.Н. Замятина, В.Л. Каганского, О.А. Лавреновой; работы по геопоэтике В.В. Абашева, Е.К. Созиной, К.В. Анисимова, Е.Н. Эртнер; а также исследования А.И. Груздева, И.А. Дергачева, Г.К. Щенникова, Е.К. Созиной, Л.С. Соболевой, Д.С. Панариной, Л.М. Митрофановой и др., посвященные творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Учитывая, что геокультурный топос рассматривается в **лингвокультурологическом аспекте**, были изучены работы Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.А. Масловой, Л.Н. Михеевой, В.М. Шаклеина, М.Г. Федюковской, В.Ю. Прокофьевой и др. по лингводидактике и лингвострановедению.

Структура работы определяется целями и задачами исследования и включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы.

Во введении определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, обосновывается актуальность и новизна темы исследовательской работы, ее теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Геокультурный ландшафт в научном освещении» анализируется научная литература, в которой раскрываются подходы к анализу пространственной образности художественного текста, а также исследуется понятие «литературного ландшафта».

Вторая глава «Сибирский ландшафт как геокультурный топос в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» посвящена

рассмотрению пространственной топики Сибири. В ней исследуется трансформация образа Сибири в русской литературе. В данной главе также анализируется сибирский ландшафт в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка, выявляются его основные мифологемы и определяются способы их репрезентации. Выделяются два главных топоса: сибирский край и сибирский город.

В третьей главе «Литературный ландшафт на уроках РКИ» геокультурный ландшафт рассматривается в лингвокультурологическом аспекте. Исследуется научная литература по лингвокультурологии и лингвострановедению, выявляются основные принципы работы с текстом в иноязычной аудитории, рассматриваются виды лингвокультурологического комментария. В данной главе представлена попытка анализа сибирского ландшафта в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» как способа познания культурных особенностей региона в иноязычной аудитории. Приведен вариант урока по теме «Ландшафт Сибири в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» в иностранной аудитории.

Основные положения выпускной квалификационной работы были апробированы на научных конференциях и семинарах: V студенческой научно-практической конференции «Множественность интерпретаций: язык и математика» (Тюмень, 2016); открытом семинаре «Пространство культуры» (Тюмень, 2016); Международной научно-практической конференции «Православные истоки русской культуры и словесности» (Тюмень, 2017).

## ГЛАВА 1. ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

### 1.1. Категория пространства в художественном тексте

Категория пространства в художественном тексте является одним из ключевых понятий при анализе текста. Часто авторы используют пространственные образы, чтобы ярче раскрыть характеры героев, окружающий мир и их взаимодействие. Иногда и сам географический ландшафт становится главным героем повествования.

Вопрос пространственной структуры художественного текста связан с «двойственной природой произведения, которое является, с одной стороны, знаковой системой (текстом), с другой стороны, - своеобразной моделью мира» [Соколова 2016, 123]. Идея о дуализме художественного текста, а, следовательно, и его пространства, была развита М.М. Бахтиным, который наряду с термином «композиция» использовал термин «архитектоника» и утверждал, что архитектурная форма определяет выбор композиционной и основные архитектурные формы конструируют единство всего художественного текста [Бахтин 1975, 21]. Следовательно, пространство как одна из категорий художественного мира произведения характеризует целостность литературного текста.

С именем М.М. Бахтина связано еще одно важное для исследования пространства в художественном тексте понятие – хронотоп. С появлением идеи о хронотопе в литературоведении началось активное исследование топосов и локальных текстов.

Художественный хронотоп характеризуется пересечением временных и пространственных рядов. Ученый приходит к выводам о том, что «хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности» [Бахтин 1975, 391], поэтому всегда включает в себя ценностный момент. При этом «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [Бахтин 1975, 406],

само художественное мышление хромотопично, хромотопический и ценностный аспект имеет любая точка зрения.

Ю.М. Лотман понимал пространство как язык моделирования, с помощью которого выражаются различные значения. Причем значения, формулируемые с помощью языка моделирования, дают возможность составления типологии культуры на основе пространственных отношений [Лотман 1986, 4]. Эти идеи Ю.М. Лотмана дали толчок к развитию лингвистических исследований текста на основе культурологического подхода к художественному произведению, позволяющего интерпретировать данный текст с позиций культурной парадигмы.

С точки зрения семиотического анализа, наиболее ценным представляется понимание категории пространства, картины мира в художественном тексте как модели реальной действительности, которая формирует точку зрения человека, его взгляд на мир. Можно сказать, что пространственная перспектива текста определяет и его смысловую, ценностную перспективу.

Семиотический подход является важной частью исследования географического образа в художественном тексте. Изучением семиотической природы городов и городских текстов наука занимается с XX века. Первыми исследователями в этой области можно назвать западных ученых Р. Барта, К. Линча, К. Леви-Стросса, Ч. Дженкса, «которые проводили исследования семиотики города и символики архитектуры и сформулировали такие понятия, как «семиотика пространства» (Р. Барт), «образ города» (К. Линч), «текст, код, знак, синтаксис, семантика пространства архитектуры» (Ч. Дженкс), предложили идею коммуникационных возможностей архитектуры. «Городское пространство было воспринято учеными как текст, как пространство коммуникации, знаковая среда обитания человека» [Ланцевская 2014, 424].

Ю.М. Лотман, как основатель тартуско-московской семиотической школы, внес огромный вклад в развитие отечественной семиотики, а также в

исследование пространственной образности художественного текста. Широко известны его работы по исследованию «петербургского текста», а также идея города как текста.

Ю.М. Лотман писал, что «семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры. Природа этого явления связана с самой спецификой пространства. Неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума. В этом случае пространственное моделирование реконструирует пространственный же облик реального мира» [Лотман 2010, 275-276].

Следуя тезису о том, что «место» в художественном тексте, географический образ является выражением культурной традиции, мы можем предположить, что категорию пространства в литературе можно рассматривать как феномен культуры, как носитель культурной традиции, мировосприятия. Исследуя определенный пространственный образ, мы выявляем стереотипные признаки данного места, определенные черты ландшафта, свойственные окружающей среде, национальному мышлению.

В качестве феномена культуры пространственный образ является объектом исследования феноменологии. Именно феноменологический метод является одним из основных в исследовании философии пространства в литературе.

Феноменология являлась объектом исследования многих зарубежных и отечественных философов. Каждый ученый вкладывал свои смыслы в определение понятия и задач феноменологии. Феноменология, как понятно из самого термина, изучает феномены. «Главнейшая задача феноменологического подхода состоит в расширении и углублении пределов нашего непосредственного опыта. В нашем случае опыта пространственного, получаемого в отношении «я» и «место» [Эртнер 2005, 8].

Концепция феноменологического подхода впервые была сформулирована Э. Гуссерлем, а затем развита М. Хайдеггером.

Феноменологический подход играет важную роль в филологическом знании, так как ориентирован на словесное выражение вещей посредством создания образа в слове. Образ трактуется как единство общего и конкретного, объективного и субъективного.

По мысли М.С. Кагана, «художественный образ функционирует в произведении не как объект среди объектов, а как своего рода субъект» [Эртнер 2005, 9]. Отметим, что художественный образ пространства или географический образ может рассматриваться не только как сопутствующий элемент, создающий фон в произведении, но и как субъект повествования, становясь героем произведения. Один из основных тезисов феноменологии – призыв «возвращение к самим вещам». Это означает, что «вещь» должна рассматриваться без учета существующих теорий или системы, а так, как она дана сознанию. С этой точки зрения мы рассматриваем и пространственную модель в художественном тексте. «Феноменологически понятое место и пространство включают в себя «я», в котором я познаю свое «я», – тезис, нуждающийся в развернутой системе доказательств. В творчестве того или иного писателя географический образ должен быть представлен в опровержении старого опыта» [Эртнер 2005, 10].

При исследовании категории пространства в художественном тексте используется феноменологический анализ, то есть анализ феноменов. Такой анализ включает выявление компонентов феномена, которые формируют его образ. При описании географического ландшафта писатель или использует уже существующие конструкты, или создает образ на основе своего собственного опыта, восприятия данного пространства. Причем при конституировании образа писатель «схватывает» пространство, его основные черты и свойства. Именно конституирование является одним из основополагающих принципов феноменологии Э. Гуссерля. Кроме того, отметим, что опыт (в частности, писателя) является важным понятием как в феноменологии, так и в герменевтике.

Современные исследования в области феноменологии пространства опираются на феноменологию М. Хайдеггера, которая не возможна вне географического пространства. Он писал, что «человек неотделим от «своего» пространства» [Хайдеггер 2001, 220], следовательно, мысль неотделима от ландшафта.

Таким образом, категория пространства в художественном тексте, начиная с XIX века, является объектом исследования философов, литературоведов и представителей других гуманитарных наук. Учитывая, что пространство – одна из ключевых категорий художественного текста, способы его представления влияют на то, как созданный образ обуславливает восприятие того или иного географического образа.

## **1.2. Геокультурный подход к изучению пространственных образов в художественном произведении**

Исследование художественного пространства активно проводится и географами. Именно на стыке филологии, географии и культурологии появляется понятие «геокультурный топос». Рассмотрение проблемы культурного значения пространства в художественном тексте носит междисциплинарный характер. Предметом исследования географии является образ – ландшафт. Понятие образа в географии так или иначе используется и изучается с конца XX века. С этого же времени пространственные образы и географические ландшафты исследуются и в гуманитарных науках. В гуманитарно-научных работах ищутся закономерности формирования и развития географических представлений различного происхождения. В философии исследуются онтологические и феноменологические основания образов географического пространства.

Исследование Г. Башляра «Поэтика пространства» затронуло важный пласт методологического поля. «Мощный анализ явления топофилии в психоаналитическом и феноменологическом контексте позволил «освоить» очень специфическое и до сих пор неясное для методологии географии пространство дома, пространства «прирученных» и облюбованных мест»

[Замятин 2006, 23]. Именно топофилия, по существу, стала отправной точкой к исследованию географического образа как пространственно-географической категории.

Дальнейший поиск в этой области связан с трудами М. Фуко и Ж. Делеза. Произошел переход понятия географического пространства как предмета философии в сферу гораздо более широкого ментального поиска, где оно стало орудием мысли. «Сама мысль стала пространственно-географической, пространственно-географическим явлением» [Замятин 2006, 25].

Отечественные философские исследования в области географии, которые были направлены на понимание роли и значения различных географических образов, географического пространства, развивалось в 1980—1990-х гг. и собственно в среде географов. «Развитие целой индустрии культурного наследия повело к осознанию важности формирования и культивирования образов тех или иных географических мест» [Замятин 2006, 28]. Место перестало означать только лишь координаты на карте, оно приобрело собственный образ. С этого времени стало очень важно признать географическое воображение, которое сначала опиралось на реально существующий географический ландшафт, а затем создавало его образ, используя стереотипные суждения.

Говоря о геокультурном топосе в литературе, мы, в первую очередь, исследуем область взаимодействия филологии и культурной географии (культурологии и географии). Объектом геокультурологии, или культурной географии, является культурный ландшафт. При создании пространственного образа страны, региона или другой местности уровень культуры и традиции данной культуры являются неотъемлемым условием. Именно они формируют особенность созданного писателем ландшафта, составляют его уникальность и неповторимость.

Ключевыми понятиями в этой области являются понятия культурного ландшафта, географического образа, региональной (пространственной)

идентичности, пространственного или локального мифа. «Географический образ — система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко, и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Как правило, отдельные географические образы могут формировать, в свою очередь, образно-географические системы (метасистемы)» [Замятин 2010, 29].

Если понимать культурную географию как метафизику пространства, то осмысленность конкретного географического пространства, его «культурная» насыщенность проявляется, по мнению Д.Н. Замятина, «в количестве и качестве географических образов, которые как бы представляют и выражают это пространство в культуре» [Замятин 2006, 41].

С развитием идеи и необходимости изучения культурного значения представленных в литературе географических топосов, широкое распространение получил геокультурный подход, из которого следует, что географический образ – это феномен культуры.

В методологическом плане формирование и развитие систем географических образов определяется развитием культуры (культур). В процессе человеческой деятельности географическое пространство все в большей степени осознается как система (системы) образов. Сначала создаются простые образы, которые в точности отражают окружающую среду. Затем появляются более сложные конструкты, реальный ландшафт наделяется дополнительными свойствами, на появление которых влияет развитие культуры и общества в целом. «Литературные произведения, пережившие время, несут в себе изображение пространственных связей, эмоциональных стереотипов и символов, бытовавших в определенной культуре» [Эртнер 2011, 9].

Одним из ключевых понятий исследования является понятие «топос». В современных исследованиях понятие «топос» имеет два значения. По мнению В.Ю. Прокофьевой, топос рассматривается как «значимое для

художественного текста (или группы художественных текстов – направления, эпохи, национальной литературы в целом) «место разворачивания смыслов», которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства, как правило, открытым» [Прокофьева 2005, 89]. В более широком значении «топос» выступает как набор устойчивых речевых формул для обозначения определенного географического пространства, а также набор сюжетов, характерных для той или иной национальной литературы.

Наряду с понятием топоса в научной литературе можно встретить термин «локус». В филологической науке широкое распространение данному термину дал Ю.М. Лотман, который настаивал, что именно «локус» обозначает принадлежность героя к месту его действия. В широком смысле под локусом понимают «любое включенное в художественный текст пространство, имеющее границы» [Субботина 2011, 112]. Но, как отмечает ряд исследователей, один и тот же пространственный образ может считаться и «локусом», и «топосом», в зависимости от его осмысления как национального символа, носителя культурных традиций.

В.Ю. Прокофьева выделяет следующие «перспективные направления исследований «топосов» и «локусов» в художественном тексте:

1. Топосы/локусы национальные и интеркультурные. В художественной литературе одного народа можно выделить устойчивые географические образы, которые характеризуют восприятие мира человеком.
2. Локусы цивилизации и природные топосы.
3. Топосы/локусы реальные (исторические, наблюдаемые в действительности) и виртуальные (воображаемые, фантастические).
4. Локусы интертекстуальные внутри национальной культуры и индивидуальные, сформированные писателем.
5. Использование топоса/локуса в оппозиции.

б. Соотнесенность топоса/локуса с героями («закрытый локус» и «открытый локус»)» [Прокофьева 2005, 93].

Таким образом, исследование художественного пространства, связанное, прежде всего, с рассмотрением поэтики текста, позволяет также выявить существенные особенности авторского мировоззрения, зафиксированные в художественной модели мира. Изучение пространственной образности в художественном тексте, с точки зрения геокультурного подхода, позволяет определить способы репрезентации географических топосов в литературе, а также выявить связь между созданным автором ландшафтом и культурой данной страны или региона. Основным для нашего исследования является понятие геокультурного топоса, под которым мы понимаем «кате́го́рию культуры», которая посредством языка выражает взаимосвязь человека и культуры.

## **ГЛАВА 2. СИБИРСКИЙ ЛАНДШАФТ КАК ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ТОПОС В РОМАНАХ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ХЛЕБ» И «БЕЗ НАЗВАНИЯ»**

### **2.1. Трансформация образа Сибири в русской литературе**

Образ Сибири – понятие широкое как в географическом, так и в историко-политическом отношении. Границы сибирского региона формировались по мере присоединения новых земель и оформления административных границ. Это отразилось в художественных текстах. Например, территория современного Урала также относилась к Сибири. Поэтому при изучении геокультурного ландшафта важно учитывать особенности исторического развития региона.

Исследование «сибирского» текста началось в первой половине XIX века. С момента присоединения в XVI веке Сибирь стала считаться уникальным регионом страны. Особенности черты сибирской литературной традиции проявились в 1830-е годы, когда вышла в свет книга Г. Кенига «Литературные картины России» (1837), которая стала известна в России как «Очерки русской литературы» (1862). С этого времени «сибирский текст» стал объектом литературоведческих исследований, как носитель самобытной сибирской словесной традиции.

В русской литературе XIX века «Сибирское царство» имеет свои относительно устойчивые признаки. Они определяются географическим пространством, в том числе климатическими условиями и биологическим миром, и историей развития региона. Благодаря более позднему присоединению сибирских территорий к Центральной России, с образом Сибири в литературе связывают мотивы «открытия», «постижения», «узнавания» «чужого» и «нового» мира. Но до XIX века существовали и другие образы сибирского региона, которые по-разному раскрывали знаковую природу пространства. Рассмотрим, как менялся образ Сибири в русской литературе и как способы его репрезентации влияли на имидж региона.

На протяжении всей истории путешественники, иностранцы и жители центральной России видели в Сибири «серый, холодный и неплодородный край», «место ссыльных преступников и нищеты», «тюрьму» – в прямом и переносном значении. Природный ландшафт и климатические условия также поддерживают образ «гиблого места». Мрачный образ Сибирской земли укоренился в сознании российского человека.

Такой представляется Сибирь в «Житии протопопа Аввакума» (XVII век) – первом письменном упоминании о Сибири. В нем встречаются сибирские топонимы (Лена, Енисей), содержатся указания на расстояния («три тысячи верст», «двадцать тысяч»). Немаловажную роль в создании образа играют природа и климат края: «Горы высокия, дебри непроходимые, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову!» [Житие 2010, 10]. Или: «Сверху дождь и снег, а на мне на плечах накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине (...)» [Житие 2010, 43]. В восприятии Аввакума, Сибирь – «место каторги, ссылки и нужды», «дикая страна»: «Страна варварская, инородцы немирные, отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не поспеем, голодные и измученные люди» [Житие 2010, 51-52]. Мрачный «дикий» край, «где нет закона, где люди вызывают противоречивые чувства – первый устоявшийся образ Сибири» [Панарина 2013, 46]. Наряду с образом «мрачного, холодного края» формируется образ Сибири как «далекой страны» со своей культурой, языком и образом жизни. Сибирь противопоставляется России (Руси), отделена от нее, считается «чужой» стороной.

Отметим, что изображение сибирского региона как «другой страны (стороны)» было популярно с момента появления первых художественных произведений. Главная причина такого описания – отдаленность Сибири от историко-культурного центра, культурный и социально-экономический разрыв между центром и регионами. По мнению К.В. Анисимова, «это оказывало продуктивное воздействие на процесс художественных и мировоззренческих исканий» [Анисимов 2005, 3]. Восприятие Сибири как

далекого в географическом и неизвестного в культурном отношении региона заставляло писателя формировать собственное видение этого места, избирать способы его художественного воплощения.

Но в XVIII – начале XIX века появилась другая Сибирь – «благодатная земля, полная природных богатств», «хлебный край», «земля свободы», где нет крепостного права. Это связано и с природным ландшафтом региона и с политическими условиями. Сибирь стала «расцветать» в первую очередь в произведениях региональных авторов (С.У. Ремезов, Г.Н. Потанин), но образ богатого края встречался и у «столичных» писателей.

В «Оде на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» (конец 1747) Сибирь представляется необъятным плодородным краем: «сокровища», «злата жила», «густостью животным тесны», «в роскоши прохладных теней», «Лена чистой быстриной, как Нил, народы напояет,/ И бреги наконец теряет,/ Сравнившись морю шириной» [Ломоносов URL]. Такой образ достигается с помощью гиперболизации пространства и использования метафор и эпитетов.

Близкий образ представляется и в комедии «Недоросль» (1781) Д.И. Фонвизина. Именно в Сибири у Стародума появляется возможность накопить достаточно богатств для наследства племянницы. Отметим, что край у Фонвизина характеризуется как место для честных людей: «...решил я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества» [Фонвизин URL].

По мнению Д.С. Панариной, «образ Сибири как кладезя богатств формировался искусственным путем: отчасти силами правительства, стремившегося увеличить приток крестьян в Сибирь и полноценно заселить её; отчасти – под влиянием идеалистических воззрений декабристов, а затем областников» [Панарина 2013, 46]. Действительно, многие исследователи «сибирского текста» отмечают, что именно благодаря областникам, в частности Н.М. Ядринцеву и Г.Н. Потанину, Сибирь стала восприниматься как богатый край со своей особой культурой и традицией словесности.

К середине 1870-х гг. формулируются главные положения областнической концепции Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. В связи с этим начинает формироваться и собственно сибирская литература и культура. «В итоге значимым этапом в развитии областнической доктрины становится тот факт, что в последнее десятилетие XIX века ее открытия начинают определенно смыкаться с раздумьями русской религиозной философии рубежа веков» [Макарова 2016, 110]. Сибирская литература и культура начинают обращаться к проблеме «местного самосознания», поискам общей «идеи», которая обуславливает своеобразие регионального литературного процесса. «Свое» в региональной литературе раскрывается в феноменологическом образе края. «Необходимым видится и реконструкция рецепции сибирской культуры столичной словесностью и критикой, а также рефлексии центра по поводу регионального «другого»» [Макарова 2016, 106].

Таким образом, мы можем говорить о формировании образа «родного» сибирского края, «дома», «родины». Особенно плодотворно влияние на читателя географических образов писателей, живших в Сибири, для которых регион являлся родным местом. Если сравнить образы, созданные региональными авторами и «столичными», заметим противоречащие друг другу картины.

Образу Сибири как «чужой» и «чуждой» земли в литературе XIX века противостоит другой, который создан в творчестве П.А. Словцова, П.П. Ершова, Н.М. Чукмалдина, Д.Н. Мамина-Сибряка, Н.М. Ядринцева и др.

Один из главных столпов сибирского областничества – Н.М. Ядринцев. В отличие от многих классиков, он жил в Сибири, знал её лучше и больше. «У Н.М. Ядринцева была не просто ярко выраженная, но осмысленная и сознательно демонстрируемая региональная сибирская – идентичность. Именно поэтому он был, пожалуй, довольно пристрастен в своём отношении к Сибири; воспринимал её как Родину, любимое и дорогое его сердцу место» [Панарина 2013, 44].

Образ «родного края» мы видим и у Н.М. Чукмалдина – известного тюменского купца, который занимался просветительской и писательской деятельностью. В 1899 году вышел очерк «Мои воспоминания», где автор рассказывает о своей жизни, о быте людей, окружающих его, о природе – о своем родном крае. Безусловно, тот факт, что писатель рассказывает о своей родине, о местах, где он родился и вырос, свидетельствует о влиянии уже сложившегося географического образа на концепцию автора и его отношение к описываемому ландшафту. Отношения человека и края играют главную роль в творчестве Н.М. Чукмалдина.

«Мои воспоминания» – это не просто очерковая книга о некоторых событиях и людях второй половины XIX века. В центре внимания автора – не фактографические портретные зарисовки, а сам опыт жизни. Ключевая тема – отношения человека и места во всем многообразии смысловых оттенков.

Природа в книге «Мои воспоминания» – наиболее живое существо мира, в ней чувствуется сознание: движение времени и одновременно вечность жизни, красота и молодость. «Н.М. Чукмалдину удалось создать законченный образ природы, где человек не изменяет ее, не воздействует на нее, но подчиняются и «слушаются» [Эртнер 2005, 125]. Пейзажи, созданные писателем в книге, дают ощущение простора и свободы, большого, неохватного пространства и даже сказки: «Ночь. Ветер стих. Луна светит ярко. Небозримое поле снежной равнины блестит и искрится светящимися точками. Дорога стелется матовой полосой, теряясь вдали, среди волшебной панорамы: стена леса медленно плывет стеною. (...) На вас глянет новая картина зимнего пейзажа. Все деревья нарядились снегом в странные фантастические уборы и стали похожими то на пирамиды, то на причудливые киоски. (...) Какой поэзией, какой волшебной сказкой веет от одного воспоминания о подобных впечатлениях» («Ирбит. Зимняя дорога») [Чукмалдин 1997, 187-188]. С помощью лексем «светит ярко», «блестит», «искрится», «нарядились», «фантастические», «волшебной панорамы», «сказкой» автор создает образ таинственной сибирской природы,

сказочности, красоты. В какой-то степени такой образ отсылает читателя к еще одному мифу о Сибири: таинственному, мифическому, волшебному месту, о котором слагается множество сказок и легенд. А главным источником такого волшебства выступает природа. Причем, не сам факт присутствия природных элементов, а ощущения героя, вызванные картиной природного мира.

В русской литературе XIX века образ сказочной Сибири встречался редко. Его можно было встретить в сказках и легендах региона, но в классической литературе этот образ не был популярен. С этой точки зрения, книга Н.М. Чукмалдина «Мои воспоминания» выделяется на общем фоне и выдвигает новый образ сибирской природы – образ «сказочной, таинственной природы», «матери-природы».

Образ «богатого», «плодородного», «хлебного» края рисует в своих произведениях Д.Н. Мамин-Сибиряк. В романе «Хлеб» мы видим не только географические особенности Сибири, ее историческое развитие, но и особенности быта людей, их отношение к земле, к дарам природы, к самой Сибири.

Но наряду с позитивным изображением региона, Сибирь по-прежнему воспринимается как «место для преступников и нечестных людей», как «гиблая, мертвая сторона». Причины такого восприятия очевидны. В Сибирь, действительно, отправляли преступников, можно сказать, что она имела уже нарицательное значение, заменяя собой слово «тюрьма». Соответственно, появлялась ассоциация Сибири с «гиблым местом». С другой стороны, образ «мертвой стороны» мог быть связан и с климатическими условиями региона.

При анализе геокультурного топоса в литературе с важно учитывать опыт писателя. С этой точки зрения, мы можем говорить о разности восприятия геокультурного ландшафта региональным писателем и «столичным» (за исключением авторов, которые жили в Сибири или рассказывали об опыте путешествий в Сибирь). Собственные знания о ландшафте и его восприятие являются основой для создания ментального

пространства. В таком случае «реализация культуры в географическом ландшафте» определяет его символику. Таким образом, геокультурный подход «дает возможность изучать культурный ландшафт как знаковую систему и, следовательно, ставить вопрос о семантике культурного ландшафта» [Лубский 2015, 8].

К XIX веку в русской литературе складываются два устойчивых образа Сибири: «мрачная», «холодная», «чужая сторона», «гиблое место», «тюрьма» и «родное», «прекрасное», «богатое» место, «страна-дом».

В произведениях классиков, таких как Ф.М. Достоевский, Г.И. Успенский, А.П. Чехов, и др., происходит переосмысление образа Сибири. Постепенно из ссыльного, мертвого края она превращается в «землю воскресения» и перерождения. Это связано, в первую очередь, с личным знакомством писателей с сибирским ландшафтом. В процессе освоения Сибири происходит переосмысление «чужого» пространства как «своего».

## **2.2. Сибирский край в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия»**

Несмотря на то, что Д.Н. Мамина-Сибиряка называют «певцом Урала», исследователи находят в его произведениях и развитие сибирской темы. Образы, воплощённые Д.Н. Маминым-Сибиряком, определяются «уральским» материалом, однако дополняются и реалиями восточных, более отдаленных регионов России. «Некоторые исследователи отмечают интересное противоречие в текстах Мамина-Сибиряка, напрямую связанное с его идентификацией в литературе как писателя сугубо уральского, и в то же время как автора, тяготевшего к Сибири» [Панарина 2013, 44].

Жизнь и творческая судьба Д.Н. Мамина-Сибиряка, как у многих русских писателей, родившихся в провинции, складывалась в контексте двух духовно-ментальных полюсов: «малой родины» и «северной столицы».

Мамин выбрал для себя весьма символический псевдоним. В его произведениях Урал сливается, «смешивается» с Сибирью, поэтому назвать его исключительно уральским писателем не совсем правильно. «Это слияние

Урала с Сибирью в дальнейшем развивается у Мамина-Сибиряка до уровня единения изначальной Руси и Сибирского края». [Панарина 2013, 45]. К сибирскому творчеству писателя можно отнести лишь несколько романов и сборник «Сибирских рассказов», но в них раскрываются многогранные образы края как вольного пространства, хлебной столицы России. В них, с одной стороны, раскрывается образ Сибири как географического и природного пространства, с другой стороны – образ «живого» пространства, движимого жизнью и бытом местного населения региона.

Роман Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» относится к «уральскому циклу» романов. Он был написан и опубликован в журнале «Русская мысль» в 1895 году. Это было последнее крупное произведение писателя. Над темой романа – хлебное дело и голод на Урале и Сибири, Д.Н. Мамин-Сибиряк работал многие годы. Его интересовал вопрос о причинах разорения и обнищания края, богатой и плодородной земли. В 1870-1880 годы столичная и региональная пресса писала о голодовках крестьян Приуралья. В письмах «С Урала» Д.Н. Мамин-Сибиряк писал: «Коренной причиной разорения приуральского крестьянства является проникновение в деревню крупных капиталов, банковских спекуляций, скупка и переработка огромных партий хлеба на водку, конкуренция виноторговцев, открывших в деревне целую систему кабаков» [Груздев 1958, 445]. Роман основан на большом фактическом материале, который автор собирал, путешествуя по Уралу и Сибири или находя заметки в местной прессе. Роман был положительно принят критикой; отмечались высокая художественность и богатство содержания романа. Высоко оценивали произведение Н.С. Лесков, А.П. Чехов, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.

Ключевым в романе «Хлеб» является образ «прекрасной, богатой земли», «спокойного и умиротворенного края». Образ раскрывается и через описание природы, которую мы видим глазами героев, и через описание жизни и быта сибирских горожан.

В романе «Хлеб» Д.Н. Мамин-Сибиряк создает образ «своей», «родной стороны», «богатого и плодородного края». Д.Н. Мамин-Сибиряк – один из немногих писателей, разрушающих сложившийся стереотипный образ Сибири как «мрачного, гиблого места».

С первых страниц романа мы можем говорить об интертекстуальности в отношении народной культуры и литературы Древней Руси. Появление одного из главных героев – Михея Зотыча Колобова – является отсылкой к жанру хождения по «земле обетованной». В частности, в сознании читателя возникают ассоциации с этим жанром, «а также социально-утопическими легендами о Христе и апостолах, которые в облике нищих ходят по земле, испытывая людей» [Митрофанова 2007, URL]. Д.Н. Мамин-Сибиряк проводит параллель с традиционным библейским сюжетом, прямо указывая на него: «Иногда на Михея Зотыча находило какое-то детское умиление, и он готов был целовать благодатную землю, точно еврей после переселения в обетованную землю» [Мамин-Сибиряк 1984, 38].

С помощью Михея Зотыча перед нами раскрывается картина «благодатного края» [Мамин-Сибиряк 1984, 162], «угодного места» [Мамин-Сибиряк 1984, 38], «божецкой благодати» [Мамин-Сибиряк 1984, 37], богатства. Например: «Вот так земля! – восхищался старик. – Овчина овчиной!» [Мамин-Сибиряк 1984, 37], «А какие попадались деревни и села – одно загляденье. Хоть картину пиши. Справно жил народ, с тугим крестьянским достатком. Всего было вволю – и земли, и хлеба, и скотины. Правда, мужик-пшеничник сильно поленивался, но от достатка и вор не ворует. У большинства крестьян были запасы на год, на два вперед» [Мамин-Сибиряк 1984, 37], «Не разберешь, кто кого богаче. Не житье им здесь, а масленица... Мужики богатые, а земля – шуба шубой» [Мамин-Сибиряк 1984, 10], «Уж очень хорошо было кругом. Народ жил полною чашей, – любо посмотреть. Этакого-то угодного места по всей Расее не сыщешь с огнем. Народ еще не «испотачился» и жил по-божески» [Мамин-Сибиряк 1984, 38].

Таким образом, в самосознании героя сибирский край соединяется с идеей о «матери-земле», «земле новой жизни». Д.Н. Мамин-Сибиряк продолжает создавать образ Сибири как «инициального, нового начала». С этого момента Сибирь из места ссылки и «темноты» превращается в «землю обетованную». Такой образ формирует в сознании читателя образ края, где человек найдет свое счастье, спокойствие, благополучие.

Новому восприятию Сибири способствуют истории, которые рассказывают местные жители по ходу повествования. Создается образ края изобилия, не знающего бедности и нищеты. Немаловажным является и образ «земли-матушки», «родного края, дома». Земля воспринимается героями как чудо: «Земля-матушка сама родит» [Мамин-Сибиряк 1984, 4] – как нечто родное, как тот, кто заботится о своих жителях.

Картины природы в произведении «увидены» глазами главного героя – Галактиона Колобова, реже – его отцом или Ечкиным. Даже когда описание природы дано повествователем, «голос» его, оформление «слова» эмоционально отражает лексику героя. В природе «Галактион различает близкое, родственное себе начало» [Эртнет 1997, 204]: «Вот это так место! – проговорил Галактион, когда дорожный коробок остановился на мысу. Действительно, картина была замечательная. Глубокий Тобол шел по степи «в трубе», точно в нарочно прорытой канаве. Ключевая впадала с левой стороны, огибая отлогий мыс, известный под названием Городища, потому что на нем еще сохранились следы старых земляных валов и глубоких рвов. Место слияния двух рек образовало громадное плесо, в котором вода сейчас стояла, как зеркало. Отсюда во все стороны дорога: под Семипалатинск, в степь, на Обь к рыбным промыслам...» [Мамин-Сибиряк 1984, 20].

Вместо образа «тюрьмы» в романе «Хлеб» предстает образ Сибири как «свободного, вольного края»: «Ко всему этому нужно прибавить еще одно благоприятное условие, именно, что ни Зауралье, населенное наполовину башкирами, наполовину государственными крестьянами, ни степь, ни казачьи земли совсем не знали крепостного права, и экономическая жизнь

громадного края шла и развивалась вполне естественным путем, минуя всякую опеку и вмешательство. Поэтому и объявленная воля не произвела здесь никаких коренных изменений в общем укладе, а только получилась некоторая разница в названиях» [Мамин-Сибиряк 1984, 15]. Происходит трансформация образа: Сибирь – «место свободы», «здесь нет рабов, нет крепостничества». С момента освоения Сибири Ермаком, этот регион считался свободным от крепостничества, оброков, но вследствие того, что Сибирь славилась как место ссылки, образ тюрьмы преобладал в сознании жителей европейской части России. Д.С. Мамин-Сибиряк напротив, видит в регионе свободу и его безграничные просторы.

Образ края создается с помощью описания жизни сибирских, зауральских деревень. Важно, что автор использует в романе географические топосы, названия рек, сел, улиц и др. Отметим, что, с точки зрения геокультурного подхода, они не только являются фоном событий, но отражают мироощущение героев, их отношение к Сибири, к краю, где они живут.

С первых страниц мы знакомимся с селом Суслон: «Село Суслон, одно из богатейших зауральских сел, красиво разлеглось на высоком правом берегу реки Ключевой. Ряды изб, по сибирскому обычаю, выходили к реке не лицом, а огородами, что имело хозяйственное значение: скотину поить ближе, а бабам за водой ходить. На самом берегу красовалась одна белая каменная церковь, лучшая во всей округе. От церкви открывался вид и на все село, и на красавицу реку, и на неоглядные поля, занявшие весь горизонт, и на соседние деревни, лепившиеся по обоим берегам Ключевой почти сплошь: Роньжа, Заево, Бакланиха. (...) Вверх по течению Ключевой владения суслонских мужиков от смежных деревень отделяла Шеинская курья, в которой поймали вчера мудреного бродягу. Повыше этой курьи река была точно сжата крутыми берегами, – это был Прорыв. Летом можно было залюбоваться окрестностями Суслона» [Мамин-Сибиряк 1984, 5]. Перед нами предстает образ богатого и красивого края, причем окружающий ландшафт имеет

важное значение. Вместо существующего образа «глухого», «мрачного» места, создается образ «красивого, прекрасного» края, которым можно любоваться.

Несмотря на то, что в «Хлебе» Д.Н. Мамин-Сибиряк стремится создать новый – «светлый» – образ Сибири, противоположный существующему, встречаются и традиционные символы. Например, сохраняется символика Сибири как «отдельного, чуждого» всей России региона: «Пробираясь из Сибири в Расею, он застрял на одном из горных уральских заводов, женился, да так и остался навсегда» [Мамин-Сибиряк 1984, 20], Сибирь как бы отделяется от России. Это связано и с географической отдаленностью, и с культурной традицией, и с бытом сибиряков и «русских» людей: «В «коренной» России благодаря громадной сети железных дорог давно уже исчезла мертвая зависимость от времен года, а в Сибири эта зависимость сохранялась еще в полной силе. Весной это особенно чувствовалось, когда замирал сибирский тракт, а летнее движение сосредоточивалось на водных путях» [Мамин-Сибиряк 1984, 156].

Влияние географического положения на промышленность, торговлю, отсутствие путей сообщения, казалось, мешало только пришлым людям, стремящимся озолотиться с помощью богатств региона: «Сидя в Тюмени, где сосредоточивалась вся навигационная деятельность, Галактион мог только удивляться мертвой сибирской косности. Сибирские капиталы уходили гласным образом на винокуренные заводы, золотопромышленность и разное сибирское сырье, обменивавшееся на московские фабрикатy. Получалась самая жалкая картина, причем главной причиной являлось полное отсутствие правильных путей сообщения, о чем сибиряки заботились меньше всего» [Мамин-Сибиряк 1984, 156-157]. Это свидетельствует о разном отношении людей к своей земле, к своему краю. Сибиряки не стремятся завладеть богатствами земли, они принимают ее дары и благодарны ей, они считают Сибирь «матушкой-землей». В то же время пришлые люди, как

Галактион или Май-Стабровский, стремятся «захватить» богатства и дары Сибири, стать хозяевами этих мест.

Эта разница отношения к земле «сибиряков» и «столичников» влияет на жизнь всего края. Стремление разбогатеть, нажиться на богатствах сибирской земли привели к разорению, обнищанию края, начался голод: «Из Суслона скитники поехали вниз по Ключевой. Михей Зотыч хотел посмотреть, что делается в богатых селах. Везде было то же уныние, как и в Суслоне. Народ потерял голову. Из-под Заполя вверх по Ключевой быстро шел голодный тиф. По дороге попадались бесцельно бродившие по уезду мужики, – все равно работы нигде не было, а дома сидеть не у чего. Более малодушные уходили из дому, куда глаза глядят, чтобы только не видеть голодавшие семьи» [Мамин-Сибиряк 1984, 205].

Образ сибирского края, созданный Д.С. Маминым-Сибиряком в романе «Хлеб», заметно отличается от распространенного в XIX веке – «чужого», «мрачного» места. Для писателя сибирский край – родной край, здесь он родился и провел большую часть жизни. Пространственное мышление автора нашло отражение в созданных им романах. Авторское восприятие родной земли повлияло на способы создания и воплощения топоса сибирского края в романе «Хлеб».

Роман «Без названия» был опубликован в 1894 году. Д.Н. Мамин-Сибиряк, живший на Урале и наблюдавший за происходившими в промышленности изменениями, с точностью и глубиной отражает свои наблюдения в романе. Главный герой – московский богатый интеллигент Окоемов – после путешествия по Америке решает отправиться в Сибирь на золотой прииск. Он стремится доказать, что «лишний» человек, способен на многое, если только дать ему возможность. Главная цель героя не только в богатстве, а скорее в том, чтобы доказать, что русские люди способны из созерцателей превратиться в деятелей. Наблюдая за непростыми отношениями героев артели друг с другом и с внешним миром, мы знакомимся с сибирским миром.

С первых глав роман «Без названия» пронизан мотивом пути. Главный герой Окоемов возвращается из путешествия по Америке, где вдохновившись американским образом жизни и подходом к работе, он отправляется «покорять» Сибирь. Дорога из Москвы на Урал и в Сибирь, описание ландшафта, природных пейзажей, меняющихся лиц становится главной темой путешествия. И образ самого героя – носителя «психологии путешественника» является структурообразующим в тексте. Окоемов – путешественник, исследователь, не сидит на одном месте, стремится побывать везде: «Засиделся в Москве...На юге был, на Кавказе был, в Средней Азии был – остался Урал. (...) Я несколько лет прожил в Америке» [Мамин-Сибиряк 1916, 186].

В то же время мотив путешествия перекликается с историей о Ермаке и покорении Сибири. Подобно Ермаку, Окоемов отправляется «завоевывать» Сибирь. Даже имя главного героя – Василий Тимофеевич – отсылает нас к образу Ермака. Тема освоения новых земель вызывает у читателя образ Сибири как «новой, нетронутой земли», которую необходимо исследовать, а потом и подчинить. Точно также, как когда-то Ермак покорил Сибирь и «подчинил» край российскому государю, так и теперь Окоемов едет «покорять» сибирские богатства: «Мои помыслы ближе, на Урале» [Мамин-Сибиряк 1916, 195].

Интересно, что мотив «покорения» новых земель удивительным образом сочетается с темой «освоения Америки». Именно после посещения этого материка, главный герой романа стремится повторить, увиденное там: создать «нового» человека, с новым видением мира, с новым взглядом на экономику и на роль труда самого человека как главного «средства достатка». На протяжении всего романа Окоемов вспоминает американский образ жизни и отношение к работе, сравнивает с русским. Присутствует прямое сравнение Америки и Сибири: «Калифорния была пустыней, как наша Сибирь» [Мамин-Сибиряк 1916, 235]. Американская модель жизни и ведения дел видится Окоемову применимой и к России, особенно к Сибири, ведь эти

территории очень похожи: «Это невольное путешествие по России для Окомова было наглядной иллюстрацией того, как мы далеко отстали во всех отношениях от наших европейских соседей, а тем более от Америки» [Мамин-Сибиряк 1916, 198-199].

Д.Н. Мамин-Сибиряк создает прекрасный, многогранный образ «богатой» Сибири, «сокровищницы». Таким образом, писатель разрушает существующий образ «бедной, отсталой Сибири», укоренившийся в сознании многих столичных жителей. В тексте романа мы часто встречаем описание богатств края: «... о несметных сокровищах Урала — ведь на всем земном шаре нет другого такого места, которое на сравнительно небольшом пространстве сосредоточивало бы такое неистощимое разнообразие всевозможных богатств» [Мамин-Сибиряк 1916, 195]; «Какой неистощимо богатый край!» [Мамин-Сибиряк 1916, 247]; «Невероятная картина всевозможных богатств» [Мамин-Сибиряк 1916, 292]. Именно это богатство привлекало к Сибири предпринимателей и дельцов, искателей легкой наживы и тружеников.

Размышляя над этим вопросом, главный герой приход к выводу: « — Вся Сибирь в будущем, .... будущем, настолько оно грандиозно, начиная с неисчерпаемых сибирских сокровищ» [Мамин-Сибиряк 1916, 241]. Именно в природном и ресурсном богатстве видится будущее региона. С Сибирским краем герой ассоциирует и развитие страны. Это связано не только с возможностью добывать в Сибири и на Урале золото, развивать рыбную промышленность, но и с созданием принципиально нового образа жизни, с появлением «нового» человека.

Важную роль в формировании образа сибирского края играет природа. Она отражает «сильную, энергичную, красивую Сибирь»: «В северных ночах чудно хорош именно этот переходный момент, когда природа точно не может успокоиться после трудового летнего дня» [Мамин-Сибиряк 1916, 227]; «По сторонам высились каменные громады, чередуясь с глубокими падами. Смешанный лес остался далеко позади, около Чусовой, а теперь

неслись мимо стройные ряды елей. Исключение представляли только сибирские кедры — это могучее дерево стояло такое зеленое, пышное, красивое неувядающей красотой. И какая чудная, нетронутая глушь» [Мамин-Сибиряк 1916, 242]; «Это была сказка, сон наяву...» [Мамин-Сибиряк 1916, 247].

В романе «Без названия» интересен образ сибиряка. Д.Н. Мамин-Сибиряк рисует многогранный, яркий образ сибирского человека. Путешествуя из Москвы в Сибирь, Окоемов сразу же отличает сибиряков: «Начали попадаться типичные сибирские физиономии — скуластые, широконосые, узкоглазые» [Мамин-Сибиряк 1916, 240]. В тексте мы находим и описание особенных черт сибирского характера: «... сейчас видно сибирскую жилу. Говорит, точно торгуется, да и верить ни одному слову нельзя. Этаким народец проклятый...» [Мамин-Сибиряк 1916, 187]; «... все говорило о сибирском упрямстве и промысловой хитрости» [Мамин-Сибиряк 1916, 240]; «Какие все смышленные лица, какая сметка и какой, наконец, свободный разговор с совершенно незнакомыми людьми» [Мамин-Сибиряк 1916, 246]. Важной особенностью романа является то, что Д.Н. Мамин-Сибиряк пытается найти причины, которые способствовали формированию особого «сибирского характера». Упрямство, подозрительность, отстраненность, настороженное отношение к «чужакам», пришлым людям развивались под влиянием исторических и политических событий в стране: «Это была какая-то органическая сибирская подозрительность, воспитанная тяжелым опытом невольных сношений с ссыльными, бродягами и вообще с подозрительными людьми, которых Европейская Россия так охотно отдает Сибири в течение нескольких сот лет» [Мамин-Сибиряк 1916, 290].

Ссылка и каторга – неотъемлемая часть истории сибирского края. Во всем мире Сибирь известна как «ссылное место», куда в качестве наказания отправляли преступников. Именно эта часть истории породила представления о «мрачной и страшной» Сибири, «земле преступников и беззакония», «Сибири-тюрьме», а следовательно, и об «отсталой», «бедной»

и «опасной» Сибири. Даже в романе мы встречаем это распространенное мнение, когда по дороге в Сибирь девочка Таня спрашивает: «— А там страшно, папа?» [Мамин-Сибиряк 1916, 239]. Д.Н. Мамин-Сибиряк сразу же разрушает этот образ: «— Ничего страшного нет... Такие же люди живут, как и в Москве» [Мамин-Сибиряк 1916, 239]. Отметим, что в Сибири никогда не существовало крепостного права, это был край свободных людей, что также отразилось на формировании характера людей и их привычек: «Только привольный край мог создать такое население» [Мамин-Сибиряк 1916, 246].

На протяжении всего романа мы наблюдаем противопоставление России и Сибири, которое связано с мифологемой Сибири как «другой страны», отделенной от всего государства. Особенно ярко контраст виден в высказывании главного героя: «Весь уклад сибирской жизни был другой, и деревня другая, и мужик другой» [Мамин-Сибиряк 1916, 269]. С чем бы ни столкнулись герои романа, с какой бы стороны ни взглянули на уклад сибирской жизни – во всем контраст, все отличается от привычной для столичных жителей жизни. Но заслуга Д.Н. Мамина-Сибиряка в том, что он открывает картину «живого» сибирского края, противопоставляя «бедной» России: «... и Крестников невольно сравнивал этот благодатный край с той бедной Россией, которая оставалась там, за горами» [Мамин-Сибиряк 1916, 292]. Таким образом, в корне меняется восприятие Сибири как «отсталого региона». Она, наоборот, «опережает» центральную Россию, и Д.Н. Мамин-Сибиряк подчеркивает эту трансформацию.

Главная особенность романа «Без названия», на наш взгляд, состоит в том, что писатель пересматривает значение мифологемы «чужой» – «свой». Герои романа приехали «покорять» и «завоевывать» Сибирь, «забрать» ее богатства. Для них это был «чужой», «неизвестный», «пугающий край». Но в конце романа отношение персонажей к сибирскому краю меняется, он становится для них домом, чем-то родным, они понимают, насколько важно чувствовать землю и природу края: «Вообще хорошо. По крайней мере, я себя так чувствую...» [Мамин-Сибиряк 1916, 241]. Таким образом, мы

можем говорить о своеобразии и новизне концепции «человек и природа» в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Без названия».

В романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» создан сложный и противоречивый образ сибирского края. В нем сочетаются две противоположные концепции представления Сибири в русской литературе XIX века. Но, безусловно, главным является образ «богатой и плодородной земли», «земли-матушки», «дома», «хлебной столицы» и «нового края», «земли-будущего», «новой Америки», «земли обетованной». Ключевую роль в формировании такого образа Сибири играет, конечно же, природа. Она является неотъемлемой частью жизни региона: влияет на быт людей, на развитие промышленности, на склад характера человека, выступает в роли «матери-природы», «матери-земли». Несомненно, автор приходит к мнению, что только в единстве с природой человек способен понять и окружающий мир и себя самого.

### **2.3. Сибирский город в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия»**

Заполье – главный город, столица сибирского региона, описанная в романе «Хлеб». В качестве прототипа города Д.Н. Мамин-Сибиряк использовал город Шадринск. Город был основан в XVII веке на территории Тобольской губернии. Собирая материал для романа, писатель совершил несколько поездок в Зауралье и Западную Сибирь. В частности, он посетил один из самых крупных по тому времени центров хлебной торговли – Шадринск, который затем и изобразил в романе «Хлеб».

Пристальное внимание к топосу Шадринска было обусловлено, в первую очередь, горячим интересом Д.Н. Мамина-Сибиряка к так называемой «шадринской трагедии» – страшному голоду, произошедшему в хлебной житнице Урала в 1891—1892 годы. «От художественно-публицистических эскизов — очерки «С Урала», рассказ «Дешевка. Из летних экскурсий по Уралу», написанных в 1880-е годы, — тема Шадринска как хлебной, а затем «водочной» столицы края, места, где господствует Царь

Голод, под пером писателя вырастает в великолепное художественное полотно — последний уральский роман писателя с емким названием «Хлеб» [Митрофанова 2007, URL].

Выбранное автором название – Заполье, может быть рассмотрено как геокультурный топос. С точки зрения семиотического подхода, Заполье – более емкий топоним. С одной стороны, семантика слова «поле» соотносится с образом «земли-матушки». В романе эти названия выступают синонимами. С другой стороны, город расположен «за полем», «то есть как бы за границей сакрального пространства земли («земли-матушки»), то есть поля в данном случае» [Митрофанова 2007, URL]. С этой точки зрения появляется образ границы, которая отделяет создаваемый, строящийся сибирский город, то есть искусственно созданное пространство, от сибирского края – «земли обетованной», естественной среды. «Подобная двойственность в интерпретации города порождает эсхатологические мифы, несет идею обреченности: так, еще в самом начале романа прозорливец Михей Зотыч Колобов предсказал и грядущий голод, и гибель города от пожара [Митрофанова 2007, URL].

Заполье предстает перед нами городом, который славится на всю округу своими богатствами, домами, невестами: «Ваши-то запольские невесты на слуху, – поддакивал гость. – Богатые да щеголихи. Далеко слава-то прошла. По другим местам девки сидят да завидуют запольским невестам» [Мамин-Сибиряк 1984, 10]; «У нас в Заполье по-богатому все дома налажены» [Мамин-Сибиряк 1984, 12]; «У нас в Заполье по-богатому все дома налажены» [Там же]; «Про Заполье далеко шла слава, как про город бойкий, богатый и оборотистый» [Мамин-Сибиряк 1984, 14].

Созданный в романе образ сибирского города не соответствует топике Сибири как «отсталому в культурном и промышленном плане региону. Существующее мнение о превосходстве столичных городов европейской России разрушается в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка. Заполье предстает как процветающий город, «хлебная столица» сибирского края с богатой

архитектурой домов зажиточных купцов: «Заполье находилось в зените своей славы, как главный хлебный рынок и посредник между степью и собственно Россией» [Мамин-Сибиряк 1984, 15]; «Он залег в низовьях реки Ключевой, главной артерии благословенного Зауралья, – в самом горле, как говорили старожилы» [Мамин-Сибиряк 1984, 14]. Даже названия улиц, которые также рассматриваются с точки зрения геокультурной топики, подчеркивают значимость города: «Правильный город, – вслух думал старик Колобов, выходя на Хлебную улицу. – Нечего сказать, хороший город» [Там же].

Некоторые черты города мы находим в описании привычек горожан и местных традиций. Например, «– Это по-сибирски выходит. У нас в Заполье не дураки выпить» [Мамин-Сибиряк 1984, 14]; «Сибирь вообще не богомольна, а затем половина запольского купечества держалась старой веры или считалась единоверцами». Таким образом, здесь мы видим, что в отличие от городов центральной России, в Сибири не была развита религиозность. Это, конечно, связано с историческим развитием региона, с тем, что территорию Сибири населяли многочисленные народы. Далее мы читаем: «Церквей было не особенно много – зеленый собор в честь сибирского святого Прокопия (..) затем еще три церкви, и только. Этим Заполье резко отличалось от коренных российских городов» [Мамин-Сибиряк 1984, 15].

Заполье является ключевым городом в романе «Хлеб», но упоминаются и другие сибирские города: Екатеринбург, Тюмень, Ирбит, Пермь. Так, Тюмень предстает в романе «как город на великом сибирском пути, как символ пространства, на которое должна быть направлена огромная «преобразующая сила» [Эртнер, 1997, 204]. В литературе XIX века часто встречается конфликт между центральной Россией, столицей, и ее периферийной частью, отдаленными областями. В сравнении с Сибирью, центральная Россия с развитой промышленностью, инфраструктурой, университетами, театрами и балами противопоставляется «неразвитому северу», «холодному и тихому краю».

В романе «Хлеб» Д.Н. Мамин-Сибиряк изменяет такую картину мира и привычное противостояние центра и периферии рассматривается в новом ключе: «В «коренной» России благодаря громадной сети железных дорог давно уже исчезла мертвая зависимость от времен года, а в Сибири эта зависимость сохранялась еще в полной силе. Весной это особенно чувствовалось, когда замирал сибирский тракт, а летнее движение сосредоточивалось на водных путях. (...) Сидя в Тюмени, где сосредоточивалась вся навигационная деятельность, Галактион мог только удивляться мертвой сибирской косности. (...) Получалась самая жалкая картина, причем главной причиной являлось полное отсутствие правильных путей сообщения, о чем сибиряки заботились меньше всего» [Мамин-Сибиряк 1984, 156]. Несмотря на то, что сохраняется контраст, свидетельствующий о промышленной отсталости Сибири, главным здесь является факт связи человека и природы, их взаимодействие. Ведь образ жизни сибирского региона напрямую зависит от природных и климатических условий, что отражается и на формировании привычек и уклада жизни сибиряков. Тюмень олицетворяет Сибирь: важно ее пространственное положение – это «ворота Сибири», которые открывают водную дорогу и сибирский тракт, и значение города как хозяйственного и экономического центра создает, в представлении Д.Н. Мамина-Сибиряка, образ «особого пространства», исторического места.

В «Без названия» Тюмень предстает в ином качестве: «Ну там до воли была каторга и казенный винокуренный каторжный завод. Только однажды по весне и прорви плотину, значит, в половодье. Подумало-подумало каторжное начальство, прикинуло в уме и велело забутить провал пшеницею из своих складов. Факт ... . Вот какое бывало ... . Рассказать, так не поверят» [Мамин-Сибиряк 1984, 268]. Так, возникает образ богатого, зажиточного сибирского города, созданного ловкими и умными купцами.

В «Хлебе» упоминается Ирбит, который в 1880-е годы становится богатым источником литературного творчества, человеческого общения и

жизненных наблюдений для Д.Н. Мамина-Сибиряка. С начала XVII века известна Ирбитская ярмарка — вторая по значимости после Нижегородской. «Экстремизм, вера в чудо и удачу, мгновенное обогащение и экзотизм — вот основные черты Ирбитской ярмарки, соответствующие характеру региона и его жителей» [Митрофанова 2007, URL]. Именно Ирбитская ярмарка упоминается в романе: «(...) а ты, Серафимушка, шелковое, канаусовое, которое тебе отец из Ирбитской ярманки привез...» [Мамин-Сибиряк 1984, 10]; «В первую зиму свежую крупчатку возили в Ирбит, на ярмарку, на тройках» [Мамин-Сибиряк 1984, 46].

Стремление обогатиться, «наладить жизнь по-новому» повлияло на жизнь города Заполье. Сначала был построен Запольский банк, появление которого сделало Заполье похожим на город европейской России: «Открытый в Заполье банк действительно сразу оживил все, точно хлынула какая-то магическая сила. Запольское купечество заволновалось, придумывая новые «способа» и «средствия». Все отлично понимали, что жить по-прежнему невозможно и что жить по-новому без банка, то есть без кредита, тоже невозможно»; «Торговля в Заполье оживилась до неузнаваемости, и прежние лавки и лавчонки быстро превратились в магазины с зеркальными стеклами, где торговали без запроса. Возникла страшная конкуренция в погоне за покупателем, и все старались перещеголять друг друга» [Мамин-Сибиряк 1984, 118].

Но эти изменения не были приняты «коренными» сибиряками, которые видели в происходящем только разорение края: «За десять лет город нельзя было узнать, и старик только качал головой. Все-то по-новому, помодному, на отличку. Старинку как метлой вымело» [Мамин-Сибиряк 1984, 146]. «Старинка», то есть культурная традиция, корни, обесценились. Теперь, как в Петербурге, в первую очередь думали о моде или наживе. Но новшества и нововведения затронули только внешнюю сторону жизни города: «Пожарная команда оказалась в неисправности, как и следует быть пожарной команде, — прогресс еще не дошел до нее. Бочки разохлись, рукава

полопались, помпы не желали выкидывать воды, – одним словом, все как и должно быть. Стоявшая засуха делала из деревянных мещанских построек какую-то подтопку, и огонь захватывал одну улицу за другой» [Мамин-Сибиряк 1984, 196].

Некогда богатый процветающий город разорился и обнищал: «Уже с осени, по первым заморозкам, Заполье очутилось в каком-то малом осадном положении. В город со всех сторон брели толпы голодающих, – это был авангард страшной голодной армии. Городское управление решительно не знало, что делать. В городе тоже начинался свой собственный голод, а тут толпы нищих из уезда» [Мамин-Сибиряк 1984, 214].

В романе «Без названия» нет главного города, который находится в центре внимания. Но во время путешествия из Москвы в Сибирь мы вместе с героями романа проезжаем несколько сибирских городов, каждый из которых порождает разные впечатления о сибирском городе. Среди этих городов – Томск, Пермь и Екатеринбург.

Пермь – был первым сибирским городом, с которым познакомились герои романа. С первого взгляда, Пермь создавала впечатление красивого, энергичного, «живого» города: «Издали город казался очень красивым, благодаря своему расположению на крутом левом берегу. Город начинался мастерскими, на которых строились пароходы, а дальше потянулись бесконечные склады, амбары пристани. Картина вообще получалась очень оживленной и замыкалась громадным заводом» [Мамин-Сибиряк 1984, 239]. Мастерские и склады говорят о развитой промышленности и о высоком значении города, что подтверждает идею о развивающихся сибирских городах.

До конца XIX века Пермская губерния оставалась основным промышленным, а также культурным и образовательным центром региона. Пермь могла считаться и столицей всего Сибирского края. Однако, на путешественников Пермь не произвела яркого впечатления: «Интересного в Перми решительно ничего не было, как и в большинстве русских губернских

городов. Пермь являлась на великом восточном пути только передаточным пунктом» [Мамин-Сибиряк 1984, 240]. Возможно, это связано с отношением самого писателя к Перми, предпочитавшего ей – Екатеринбург. Яркой характеристикой Перми, построенной на контрасте, является следующая: «После мертвой Перми...» [Мамин-Сибиряк 1984, 241]. Так, Пермь противопоставляется всей Сибири.

Наибольшее внимание в романе «Без названия» уделено Екатеринбургу, который сравнивается с Москвой: «Вдали забрезжился громадный город с белыми шахматами каменных построек с расплывавшимися зелеными пятнами садов и десятками красивых церквей» [Мамин-Сибиряк 1984, 248]; «– Вот так город: Москвы уголок! Наша Уральская столица!» [Там же]. Екатеринбург называется столицей Зауралья, то есть этому городу придается огромное политическое и культурное значение. И внешний облик Екатеринбурга в романе соответствует званию столицы: «Вид города на всех произвел благоприятное впечатление. Это был такой бойкий торгово-промышленный пункт уже сибирского склада. Широкие улицы, много хороших домов, магазины, общий вид довольства – все это бросалось в глаза с первого раза» [Мамин-Сибиряк 1984, 251].

Анализ геокультурного образа сибирского города в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» показал, что способы репрезентации города служат отражением ландшафтного мышления автора. Его отношение к Екатеринбургу и Перми нашло отражение в произведении: Екатеринбург становится столицей сибирского края, а «мертвая» Пермь отходит на второй план. Топос Заполя-Шадринска рождается на пересечении исторических и культурных стыков. Следует также отметить, что автор создает новый образ сибирского города. В противоположность существующему стереотипу о «бедном», «отсталом» сибирском городе, перед читателем предстает образ «богатого и процветающего города», «столицы». Отметим, что сибирский город – это, в первую очередь, отражение сибирского менталитета и ландшафта.

## ГЛАВА 3. ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

### 3.1. Лингвокультурологический аспект в изучении русского языка как иностранного

Наука лингвокультурология оформилась на стыке лингвистики и культурологии в конце 90-х годов XX века вследствие интереса к проблемам взаимодействия культуры и языка. Основная задача данного научного направления заключается в изучении языка как феномена культуры, где «язык выступает в качестве средства интерпретации человеческой культуры, ментальности народа» [Шаклеин URL]. Широкое распространение лингвокультурология получила в работах В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, В.Н. Телия, В.А. Масловой, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.С. Степанова и др.

На сегодняшний день одна из ключевых проблем лингвокультурологии – вопрос интеграции человека в окружающее его культурное пространство, поэтому важной задачей данного научного направления является разработка методов, направленных на понимание культуры через анализ национального языка. Приемы и методы лингвокультурологии широко используются при обучении русскому языку как иностранному. Исходя из того, что язык является выразителем национальной ментальности, изучение иностранного языка не представляется эффективным без знакомства с культурой и историей страны.

При изучении иностранного языка мы сталкиваемся не только с новыми для нас правилами грамматики, лексики или фонетики, мы встречаемся с рядом фактов, относящихся к способу восприятия мира. Л.В. Щерба писал, что «язык теснейшим образом связан с мышлением, отражая систему понятий данного человеческого коллектива. Поэтому, изучая язык того или другого народа, мы изучаем исторически сложившуюся у него систему понятий, сквозь которую он воспринимает действительность» [Федюковская URL]. Таким образом, в преподавании иностранного языка

наряду с устной речью на первый план выдвигается знакомство с реалиями страны изучаемого языка, то есть лексика, которая отражает национальное своеобразие истории, культуры, географии, традиций и быта народа изучаемого языка.

Интерес к лингвокультурологии в области преподавания русского языка как иностранного связан с необходимостью развития методов преподавания РКИ в рамках тезиса «язык – культура». Одной из главных целей обучения языку является приобщение обучающегося к другой культуре и побуждение его к участию в диалоге культур. Студент, изучающий язык, должен начать воспринимать образ другой страны как систему иного мировосприятия, в котором раскрываются специфичная лексика, речевые этикетные формулы, моральные ценности. «Необходимо рассматривать феномен языка в контексте жизнедеятельности человека – носителя определенной культуры, представителя конкретного этноса, обладающего специфическим этническим сознанием и менталитетом и взаимодействующего с представителями других лингвокультурных общностей» [Федюковская URL].

По В.А. Масловой, объектом лингвокультурологической науки выступает «взаимодействие языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком» [Маслова 2001, 36]. Предметом лингвокультурологии выступают языковые единицы, которые отражают культурные особенности носителей языка и могут выступать в качестве символов и стереотипов, то есть единицы, передающие результаты человеческого сознания.

Лингвострановедение основывается на расширении границ лексического значения слова. Оно предполагает расширение прямого значения слова и использование при построении образа скрытых смыслов, которые могут отражать национально-культурные ассоциации в данной лингвокультурной среде. «Национально-культурные ассоциации составляют

основу коннотаций (получили признание в лингвистике как важнейший компонент семантики слова) и лексического фона как набор признаков, непосредственно не входящих в значение слова, но тесно связанных с понятием, обозначаемым данным словом» [Федюковская URL]. Таким образом, лингвокультурологическая единица может относиться к разным видам семиотических категорий: стереотип, мифологема, фразеологизм, топос, пословицы и поговорки, символы и др.

Однако, многие исследователи признают, что в аспекте исследования культурной функции языка, термин «лингвокультурология» избыточный. В современной науке все более используется термин «лингвострановедение», под которым, например, В.М. Шаклеин и Ю.Е. Прохов понимают «практическую реализацию лингвокультурологии в процессе преподавания русского языка иностранцам» [Иванова 2003 URL]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в пособии «Язык и культура» также используют термин «лингвострановедение», которое «изучает язык с точки зрения его культураносной функции (...), а также приемы и способы включения ознакомительно-познавательного потенциала языка в процесс преподавания этого языка иностранцам» [Верещагин, Костомаров 1990, 9].

При обучении иностранному языку лингвострановедение выступает как филологическая и лингводидактическая дисциплина. При филологическом подходе проводится анализ культурной функции языковых единиц. Как филологическая наука лингвострановедение призвано изучать, насколько язык отражает действительность, исследовать особенности менталитета носителей языка и культуры, описывать всю совокупность содержащихся в нем фоновых знаний. С точки зрения филологического подхода «предметом лингвострановедения является анализ языка с целью выявления в нем национально-культурной семантики» [Верещагин, Костомаров 1990, 7]. Таким образом, происходит обучение восприятию языкового образа, аналогичного тому, что присутствует в сознании носителя языка. С помощью такого подхода реализуется коммуникативная

компетенция, которая предполагает использование языковых образов и языковых единиц на уровне носителя культуры. Таким образом, на первый план выдвигается уже язык.

Педагогическая задача лингвострановедения реализуется в отборе учебных материалов, типичных ситуаций коммуникации, выборе текстовых материалов и лексических пластов на уроках иностранного языка. Кроме того, в предмет исследования входит поиск преподавательских методов представления, закрепления и активации национально-культурной лексики. Важно учесть, что «культурологическая и страноведческая ценность, типичность, общеизвестность и ориентация на современную действительность, тематичность и функциональность явлений являются важнейшими критериями отбора национально-культурного компонента содержания обучения иностранному языку» [Карапетян 2012, 119].

Методы лингвокультурологии – совокупность приемов и методов, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры. Лингвокультурология объединяет в себе несколько научных направлений, и в ней используется комплекс приемов и методов, соответствующих задачам и целям лингвокультурологического анализа. Проблема взаимодействия языка и культуры настолько многогранна, что невозможно создать один конкретный метод ее исследования. Именно поэтому существует целый перечень методик, которые применимы к лингвокультурологическому анализу. Исследователи используют методы лингвистики, культурологии, истории, социологии, когнитивной лингвистики, психологии и других наук, которые дополняют результаты друг друга и позволяют явить более полный и цельный образ культурного пространства.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют пять методологических принципов, лежащих в основе лингвострановедения. Первый принцип заключается в признании общественной природы языка, что позволяет сформировать у иностранцев видение действительности, аналогичное тому, что имеет носитель языка. При этом важно учитывать коммуникативную,

кумулятивную и директивную функции языка. Коммуникативная функция возможна только при наличии знаний о культурном фоне, то есть сведений общего характера о стране изучаемого языка. Директивная функция языка способствует формированию языковой личности. Кумулятивная, или накопительная, функция проявляется в том, что язык фиксирует и отражает действительность, то есть в языке заложена культурная информация. Второй принцип: процесс преподавания иностранного языка – это процесс аккультурации иностранца, то есть усвоение норм и правил другой национальной культуры. Отсюда следует третий принцип, заключающийся в формировании у иностранца толерантного отношения к другому народу и его культуре. По мнению авторов, страноведческая информация должна извлекаться из естественных форм языка, учебные материалы не должны формироваться искусственно. В этом заключается основа четвертого методологического принципа страноведения. И, наконец, пятый принцип утверждает, что лингвокультурологический аспект в преподавании иностранного языка реализует филологический метод изучения действительности. [Верещагин, Костомаров 1990, 9-12].

Не стоит забывать, что лингвокультуроведение состоит не только в изучении лексики языка. В лингвострановедении задачи обучения русскому языку как совокупности форм выражения неразрывно связаны и с изучением истории, географии, административно-политического устройства страны, то есть наук, способных дать общую и всеобъемлющую характеристику изучаемого региона. Изучение исторических, географических, социальных особенностей и традиций способствует воспитанию уважительного отношения к иностранному языку и культуре народа. Происходит «формирование понятия о роли языка как элемента культуры народа и о потребности пользоваться им как средством общения» [Подрецкая 2013, 92].

Среди объектов лингвокультурологического анализа художественный текст, на наш взгляд, занимает особое место. Он обладает высокой степенью информационной насыщенности, особенным, авторским стилем изложения,

что повышает вероятность искажения смысла отдельных его частей, слов или выражений. «В основе создания и восприятия художественного текста лежит взаимосвязь таких сложных и неоднозначных явлений, как «культура – мышление – язык» [Долинина 2015, 84]. Именно поэтому мы можем говорить об исследовании художественного текста как феномена культуры в рамках лингвокультурологического подхода.

Лингвокультурологический анализ художественного текста направлен, в первую очередь, на выявление специфики и функций «культурно маркированного» слова, которое создает образ картины мира, действительности. Однако, не только слово выступает в качестве объекта исследования, но и сам язык художественного слова. Ю.М. Лотман писал, что язык характеризуется определенной ментальностью, а созданный посредством языка текст, «вступая в сложные отношения с окружающим культурным контекстом, перестает быть элементарным сообщением. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память» [Лотман 1981, 5.]. Таким образом, текст становится моделью культуры, моделью картины мира. Эта картина мира и будет являться объектом лингвокультурологического анализа.

Лингвокультурологический подход к исследованию художественного текста представляет также интерес с точки зрения изучения языка писателя, стилистических особенностей авторского слова. Любой писатель является представителем определенной страны, региона, нации, которые включены в конкретный культурный контекст. Следовательно, языковое сознание автора принадлежит к определенному культурному сознанию его народа. Так же как национальный язык имеет свои лексические, грамматические, структурные особенности, так же и язык каждого писателя определяется особенными специфичными чертами. Таким образом, лингвокультурологический анализ видится эффективным в изучении творчества конкретного писателя. Он позволит интерпретировать не только

один данный текст, но и целый корпус произведений, как целое языковое пространство.

Основным в лингвокультурологическом анализе художественного текста является понятие «художественного концепта». В разных интерпретациях художественный концепт видится как «образ, символ или мотив, который имеет «выход» на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [Долинина 2015, 86], а также как совокупность признаков, которые выражают авторское понимание действительности. Таким образом, художественный концепт в тексте реализуется через языковые единицы: слова, предложения, фразеологизмы, пословицы, сочетания предложений и др.

Итогом реализации лингвокультурологического подхода является овладение обучающегося лингвокультурологической компетенции. В современной науке нет одного общепринятого определения данного понятия. В общем смысле оно понимается как система знаний о культуре и культурных ценностях, выраженных в языке. И.В. Харченкова и В.Н. Телия указывают, что «лингвокультурологическая компетенция включает умение интерпретировать языковые знаки и факты в категориях культурного кода» [Бирюкова URL].

Изучение языка с точки зрения лингвокультурологического аспекта – важный элемент интеграции обучающегося в новую культурную среду. Овладение национально-культурной лексикой позволяет вступать в коммуникативный процесс с учетом национальных особенностей страны изучаемого языка, понимать устную и письменную речь. Знание истории и культуры страны способствуют формированию социально-ценностных ориентиров и развитию уважительного отношения к другим культурам.

### **3.2. Сибирский ландшафт в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка на уроках РКИ**

Изучение иностранного языка неразрывно связано с изучением культуры, национального менталитета и социальной среды. Как мы выяснили, при изучении иностранного языка недостаточно усвоить лишь грамматические конструкции и схемы их применения. При использовании лексических единиц необходимо учитывать культурный и социальный контексты. Только в условиях усвоения особенностей национального менталитета и исторического пути развития страны, региона, можно говорить об адаптации к новой языковой среде, о формировании лингвокультурологической компетенции.

С этой точки зрения понимание иностранными студентами художественного текста видится нам наиболее сложным. Это обусловлено высокой степенью образности художественного текста, специфичным языком повествования, который свойственен авторам разных эпох и регионов, большим количеством фразеологизмов, пословиц, поговорок и др.

Сибирь всегда была особым регионом Российского государства как в историко-географическом, так и в культурном плане. С XVI века с момента присоединения Сибири к России, особенные черты сибирского края находили отражение в литературе. Отдаленность региона от центра, холодный климат, административно-политическое устройство, особый фольклор и традиции формировали совершенно разные представления о Сибири. Вплоть до конца XIX века Сибирский край представал в довольно противоречивой семантике. Тогда сложилось два основных мифа. В первом Сибирь видится как чужое, холодное, страшное место, тюрьма; второй – образ чудесного богатого места, края свободы и предприимчивых людей.

Как мы выяснили ранее, Сибирь как геокультурный топос представляет особый интерес с точки зрения геокультурологии, поэтому как феномен культуры на уроках русского языка как иностранного он может использоваться в качестве источника страноведческой информации. Кроме

того, чтение, направленное на изучение данного конкретного региона, будет способствовать повышению лингвокультурологической грамотности инофонов и формированию лингвокультурологической компетенции.

Мы попытались рассмотреть сибирский ландшафт, созданный Д.Н. Маминым-Сибиряком в романах «Хлеб» и «Без названия», в иноязычной аудитории с точки зрения лингвокультурологического подхода. Целью занятия стало выявление основных мифологем Сибири в романах, определение того, как ландшафтное мышление автора влияет на формирование ментального образа сибирского пространства, рассмотрение основных лингвокультурем и расширение запаса лексических единиц обучаемых.

Одним из основных показателей владения языком является способность понимать текст. Она обеспечивает адекватное понимание ситуации и в рамках коммуникативного поля. Понимание художественного текста может быть затруднено особенностями авторского слога, использованием фразеологизмов, пословиц, просторечной лексики, недостатком знаний об истории и культуре. На понимание текста влияют также структура и культурные особенности родного языка обучающегося.

В нашей работе по интерпретации художественного текста и выявлению образа Сибири мы попытались дать комментарии словарного, историко-социального, лингвострановедческого характера для объяснения отдельных слов и выражений.

Комментарий — это любое разъяснение, относимое к определенному слову или выражению текста, к определенному отрывку или ко всему тексту целиком [Верещагин, Костомаров 1990, 134-135]. Единой классификации комментария в научной литературе нет. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют лингвистический, стилистический и лингвострановедческий комментарии. Лингвистический и стилистический комментарии дают лексические значения слов и объясняют способ их употребления. Лингвострановедческий комментарий включает в себя объяснение слов и

выражений, «которые невозможно разъяснить путем синонимичных замен, перефразирования» [Верещагин, Костомаров 1990, 135]. Лингвострановедческий комментарий объединяет историко-культурный, реальный, бытовой, социальный, текстуальный и любой другой комментарий, в которых слова и выражения объясняются с точки зрения их лингвострановедческой особенности. Лингвострановедческий комментарий, в свою очередь, может быть прагматический или проективным. Прагматичный комментарий раскрывает значений имен, географических названий, выявляет исторические связи и социальные явления. Под проективным комментарием понимается «информация о социальной функции и общественном месте предмета или явления» [Верещагин, Костомаров 1990, 137].

Исходя из того, что главная задача лингвострановедческого комментария – объяснить внеязыковые явления, то важно отметить, что он не подходит для описания слов, имеющих коннотативное содержание. Слово приобретает дополнительные смыслы через контекст культуры, и его значение может меняться в зависимости от сферы употребления. Для определения его значения необходимо дополнительно изучить контекст.

При комментировании могут использоваться толковые словари, энциклопедии, словари синонимов, этимологические словари и другие источники информации об истории и культуре страны изучаемого языка.

В рамках курса «Тартусско-московская семиотическая школа» в Таллиннском университете (Эстония) было проведено занятие по теме «Ландшафт Сибири в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия». Слушателями являлись студенты, изучающие русский язык и литературу как иностранный и обладающими разными уровнями владения языком. Общее количество студентов составило шесть человек.

На первом этапе урока, прежде чем приступить непосредственно к анализу художественного текста, студентам было предложено рассказать о своем представлении Сибири: об образе края, сложившемся в их странах, о

том, с какими символическими значениями ассоциируется у них Сибирь, какие эпитеты они используют при описании сибирского ландшафта, какие исторические события они могут связать с Сибирью. Только двое студентов группы бывали в России.

Несомненно, что образ Сибири представляет интерес для иноязычной аудитории. Это связано, в первую очередь, с прочно укоренившимся образом Сибири как «неизведанного пространства», «далекого места». В ходе опроса выяснилось, что при упоминании слова «Сибирь» в иноязычной аудитории у 100% студентов возникает образ «далекой страны» «с холодным климатом и дикой природой». 80% опрошенных представляют образ «вечной зимы» и «безграничного пространства снега», 65% связывают Сибирь с местом «мрачных людей». Примечательно, что 30% иностранных студентов даже в условиях современного мира не отождествляют Сибирь с Россией, сибирский край до сих пор представляется им «отдельной загадочной страной». Немаловажную роль в образе сибирского региона играет природа: для 80% студентов Сибирь – «край бескрайних и диких лесов, болот и диких животных». Кроме того, анализируя образы Сибири, созданные иностранными студентами, можно заметить, что присутствует интерес к культуре коренных народов, проживающих на территории региона. У 65% опрошенных присутствуют сказочные представления о «диких людях, живущих в лесах», «ведущих природный образ жизни». Встречается и образ современной Сибири: 30% назвали регион «землей богатой лесами и природными ресурсами», 16% назвали Сибирь «краем нефти».

При создании образа сибирского ландшафта, самыми употребляемыми являются следующие лексемы: «холодное место», «дикая страна», «далекая страна», «много снега», «хмурые, не улыбающиеся люди», «неприветливый народ», «большая территория», «там очень холодно», «люди живут в лесах», «медведи и олени», «страна», «страшное место», «место холодных и долгих зим», «много лесов».

Историко-культурные знания о сибирском крае ограничиваются знаниями о «ссылках» в Сибирь преступников. Хотя нужно отметить, что двое студентов упомянули о движении декабристов, многие участники которого были осуждены на ссылку в Сибирь. Один студент рассказал о Ф.М. Достоевском, который «в середине XIX века также был отправлен в ссылку».

Такое негативное стереотипное представление сибирского региона и образа жизни мы связываем с недостатком знаний об истории края, его географическом положении и особенностях национального менталитета. Отсюда можно сделать вывод, что на уроках русского языка как иностранного не рассматривается или недостаточно уделяется внимание Сибири и культуре сибирского региона, лингвокультурологическим особенностям текста, геокультурному значению описываемого пространства в художественном тексте.

Приступая к анализу образа сибирского ландшафта в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия», правильно было начать работу с рассказа об авторе. Как мы выяснили, при исследовании геокультурного ландшафта с помощью семиотического и геокультурного подходов важно учитывать личность автора и его ландшафтное мышление. Именно авторское восприятие картины мира, места и культуры края влияет на способы репрезентации ландшафта, а следовательно, и на конечный образ места, который представит себе читатель.

Д.Н. Мамин-Сибиряк (1852-1912) относится к числу выдающихся русских писателей России последней трети XIX и начала XX века. Он коренной уралец и по праву носит имя «певца Урала», который является одним из главных героев его произведений. Д. Н. Мамин-Сибиряк родился и вырос в Пермской губернии, учился и большую часть сознательной жизни провел в Екатеринбурге. Тема малой родины заняла центральное место в его творчестве. «До Мамина, — писал в 1913 году известный уральский литературовед В.П. Чекин, — жизнь современного Урала и его недавнего прошлого рисовалась для десятков миллионов, населяющих центр, юг, запад

и север России, чем-то далеким, чуждым, полусказочным. Суровую родину железа, золота и самоцветов знали немногим лучше, чем Индокитай, Южную Америку, Центральную Африку» [Корнев URL].

Д.Н. Мамин-Сибиряк, в первую очередь, был страстным патриотом и исследователем родного края — фольклористом, этнографом и археологом. В своих произведениях Д.Н. Мамин-Сибиряк использовал живые наблюдения, сделанные во время долгих путешествий по родному краю, а также и архивные материалы. Тонко чувствуя красоту природы родных мест, писатель создал волнующие произведения, изображая жизнь и природу Урала и Сибири. Благодаря своей любви к родине, правдивому изображению Урала и Зауралья Д.Н. Мамин-Сибиряк становится «певцом Урала».

Не стоит забывать, что в годы жизни и творчества писателя границы регионов были несколько стертыми, четкого разграничения между Уралом и Сибирью не было. Современные административные границы отличаются от тех, которые существовали в конце XIX века. Поэтому Д.Н. Мамина-Сибиряка по праву можно считать и «певцом Сибири». И сам писатель признавал свою любовь и преданность Сибири, взяв себе «говорящий» псевдоним. Даже «уральскую столицу» – Екатеринбург, он считал частью Сибири. «Преданностью Екатеринбургу объясняет И.Г. Остроумов и происхождение псевдонима писателя: «Дмитрий Наркисович как бы отделяет Екатеринбург от Пермской губернии, присоединяя к Сибири, для западной части которой этот город, действительно, мог бы сойти как бы за столицу Зауральского края» [Митрофанова 2007 URL]. Кроме того, в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка создается образ Сибири как особого природно-климатического, географического, социального и историко-культурного края, что вызывает интерес к произведениям писателя со стороны не только литературоведов, но и историков, этнологов и географов.

Произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка заставили читателей взглянуть на Урал и Сибирь по-новому, они сформировали новый образ региона. Как истинный патриот края, писатель правдиво изображал жизнь и особый быт

людей со всеми достоинствами и недостатками, раскрывал характеры старожилов, рассказывал о непростом историческом пути региона, знакомил с природой края, разрушая привычные стереотипы об отсталости и дикости Сибири и Урала. Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка обладает высокой познавательной ценностью, которая помогает современному читателю понять некоторые особенности жизни и культуры Сибири. На наш взгляд, произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка будут являться важным и полезным материалом на уроках русского языка как иностранного.

На следующем этапе работы с текстом в иноязычной аудитории, мы предложили иностранным студентам объяснить, как они понимают названия произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка: «Хлеб» и «Без названия».

Название романа «Хлеб» не вызвало особых сложностей у студентов. Студенты пришли к выводу, что речь в романе пойдет о хлебе, о том, как выращивается хлеб в России и Сибири. Некоторые студенты предположили, что «хлеб играет важную роль в жизни и культуре нашей страны, поэтому автор решил вынести его в название романа». Действительно, в романе «Хлеб» одним из ключевых образов Сибири становится образ «хлебной столицы». Сибирский край, богатый урожаем пшеницы, становится центром хлебной торговли. Но с течением времени, с развитием капитализма в стране, «хлебный край» приходит в убыток, города и села нищают. Это становится центральной темой романа, и Д.Н. Мамин-Сибиряк с точностью историка пытается воссоздать это время.

Роман «Без названия» вызвал затруднения в интерпретации заглавия. Отметим, что это непростая задача не только для иноязычной аудитории. Чтобы определить смысл названия романа, необходимо знать предпосылки создания романа, исторический и культурный фон. Поэтому мы дали свой комментарий о том, почему роман имеет такое название.

Заглавие «Без названия» дает читателю возможность самому определить главную линию повествования в романе. В то же время это указывает на напряженный поиск автором названия произведения. Один из

главных мотивов в романе – «мотив пути», «освоения нового места», а олицетворением Сибири становится образ Ермака – «покорителя» Сибири. Подобно Ермаку, главный герой романа отправляется на поиски золота. В записных книжках Д.Н. Мамина-Сибиряка можно встретить разные варианты заглавия для романа, например, «Богатырь» или «На Восток», но многие из них слишком отчетливо вызывали ассоциации с историей о Ермаке [Эртнер 1997, 198]. Кроме того, в романе раскрываются и другие мотивы, сюжетные линии, которые создают разные образы Сибири. Возможно, поэтому писатель решил не определять точного названия романа, а оставить открытую формулировку.

Итак, для воспроизведения образа Сибири, который создан в романах «Хлеб» и «Без названия», мы выделили основные характеристики «места», которые, как нам кажется, наиболее полно выражают семиотическую природу топоса и ярко воссоздают образ Сибири. Как мы выяснили, в русской литературе сложились две основные конфликтные мифологемы. Чтобы определить, какой образ преобладает в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка, мы распределили выделенные лексеммы на группы, которые соответствуют двум мифологическим руслам.

На этапе рассмотрения геокультурных топосов студенты анализировали отрывки из романов и пытались представить образ Сибири, который в них создается. Далее нами предлагался комментарий, поясняющий семантику лексем.

Рассмотрим мифологему «далекого, отсталого края», ссыльного места, «чужой» стороны.

В романах «Хлеб» и «Без названия» ярко раскрывается образ Сибири как «отдельной страны», прослеживается отстраненность края от России. В высказываниях героев романов, мы видим, что Сибирь далека от столицы не только физически, но и ментально: здесь все по-другому, природа, традиции, люди. В романе «Без названия» мы встречаем, например, «Да, это было **другое царство и другие люди**, сравнивая даже не с коренной Россией, а

просто с Приуральем» [Мамин-Сибиряк 1916, 245]. Иностранцы, проанализировав данное предложение из текста, выделили значение «другого места», они обратили внимание на обозначение отличий между Сибирью и Россией. Однако, значение отстраненности выделено не было.

Мы бы хотели обратить внимание, что здесь Сибирь называется «другим царством», что подчеркивает отделенность региона от целой страны. Но не только географически. Говоря «другие люди», герой отмечает социальную и культурную разницу восприятия мира и ведения быта. С помощью лексемы «другой», то есть не такой, иной, создается контраст между Россией и Сибирью. Это слово встречается и в следующих предложениях: «— Кондовый сибиряк. Как-то даже странно делается, когда приедешь в Расею, точно **другое государство...**» [Мамин-Сибиряк 1916, 233]; «Весь **уклад** сибирской жизни был **другой**, и **деревня другая**, и **мужик другой**, и **по-другому** все думали» [Мамин-Сибиряк 1916, 269]. В романе «Хлеб» также встречается упоминание отстраненности Сибири от России: «Пробираясь из Сибири в Расею (...)» [Мамин-Сибиряк 1984, 21]; «Летом, по навигации, неделю с лишком ехать, а зимой и в две другой раз не доедешь» [Мамин-Сибиряк 1984, 186].

Понимание последнего примера было затруднено: только один студент смог объяснить значение данного отрывка. Действительно, климатические условия и большое расстояние до центра затрудняли путешествие в сибирские города. Транссибирская железная дорога была построена только в конце XIX века, а плохие дороги или их отсутствие не позволяли приезжать в Сибирь. Особенно сильно это ощущалось зимой. В «Хлебе» мы встречаем: «В «коренной» России благодаря громадной сети железных дорог давно уже исчезла мертвая зависимость от времен года, а в Сибири эта зависимость сохранялась еще в полной силе» [Мамин-Сибиряк 1984, 156].

Таким образом, в романах «Хлеб» и «Без названия» сохраняется мифологема «свой» – «чужой», которая обусловлена в том числе географическим положением, удаленностью от центра и историей региона.

Немаловажным в образе пространства, места являются люди. Герои романа «Без названия», путешествуя из Москвы в Сибирь, встречают многообразие лиц и характеров. Из них особо выделяются сибирские. Описание внешности, черт характера, привычек – важный аспект в создании образа геокультурного топоса, так как мы выяснили, что место и человек неразрывно связаны: как человек влияет на место, так и ландшафт влияет на человека.

В «Без названия» первое описание сибиряка мы встречаем уже в начале романа: «... сейчас видно сибирскую жилу. Говорит, **точно торгуется**, да и **верить** ни одному слову **нельзя**. Этаким **народец проклятый...**» [Мамин-Сибиряк 1916, 187]. Определяющими являются лексемы «торгуется», «верить нельзя», «народец» и «проклятый». Иностранцы сформулировали главную мысль данного отрывка следующим образом: сибирским людям верить нельзя, потому что они всегда обманывают. Было затруднено понимание лексем «торгуется» и «народец».

Для более полного понимания характеристики сибиряка обратимся к значению выделенных слов. По Д.Н. Ушакову «торговаться» означает «договариваться о цене, денежных условиях» [Ушаков 2014, 684]. В нашем случае используется скорее переносное значение, так как речь не идет о торговых отношениях. В таком случае слово означает «спорить, убеждать друг друга; не соглашаться с чем-либо, упираться» [Ушаков 2014, 684]. В толковом словаре С.В. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «торговаться» имеет значение: «спорить, стремясь выгадать что-нибудь» [Ожегов, Шведова 2006, 804]. Таким образом, сибиряк предстает перед нами как человек, не идущий на компромисс, стремящийся доказать и утвердить свою точку зрения, любящий поспорить, несговорчивый.

Словосочетание «верить нельзя» используется в прямом значении, что означает «отсутствие доверия, недоверие».

Слово «народец» образовано от слова «народ» – «население, объединенное принадлежностью к одному государству, жители страны»

[Ушаков 2014, 338]. Однако, словоформа «народец» используется в пренебрежительном смысле, означая «маленький народ» [Там же]. Кроме того, словоформа употреблена в сочетании с «проклятый». По Ушакову, слово образовано от «проклятие» и означает, что кто-то (в данном случае «народец») «безусловно и бесповоротно осужден, с ним разорваны отношения, вызывает отторжение» [Ушаков 2014, 545]. В словаре Ожегова, Шведовой проклятый означает «ненавистный, надоевший; вызывающий злобу» [Ожегов, Шведова 2006, 613]. Сочетание «народец проклятый» несет в себе ярко выраженную негативную окраску, что влияет на восприятие сибиряка, как несговорчивого, вечно спорящего, ненавистного и вызывающего злобу человека, что, конечно, распространяется на весь сибирский народ, формирует стереотип.

Таким образом, сибирский народ представляется злым, несговорчивым, не идущим на компромисс, даже в обыденном разговоре он ищет свою выгоду.

В «Без названия» встречается еще и такая характеристика сибирской ментальности: «Окоемов любовался этими квадратными лицами, окладистыми бородами, **недоверчиво-упрямыми взглядами** – все говорило о **сибирском упрямстве и промысловой хитрости**» [Мамин-Сибиряк 1916, 240]. Сибирский характер – еще один загадочный объект изысканий и обсуждений. Проанализировав данный отрывок, иностранцы пришли к выводу, что главными чертами сибирского характера являются упрямство, изворотливость и хитрость.

Из данного отрывка мы понимаем, что основная его черта – упрямство и хитрость, что соотносится с рассмотренными ранее характеристиками. Однако заметим, что образ мышления сибиряка складывался под влиянием исторических событий, о чем свидетельствует следующее: «Это была какая-то органическая **сибирская подозрительность**, воспитанная тяжелым опытом **невольных сношений с ссыльными, бродягами и вообще с подозрительными людьми**, которых **Европейская Россия так охотно**

отдает Сибири в течение нескольких сот лет» [Мамин-Сибиряк 1916, 290]. Студенты также отметили, что сибирский характер сформировался под воздействием «ссылочной истории» региона: «люди вынуждены были общаться с преступниками, поэтому они стали более осторожными».

Писатель отмечает последствия освоения Сибири как результат превращения в «край ссылки и тюрьмы». Жизнь Сибири, действительно, неразрывно связана с этой страницей нашей истории. Ссылка – вид наказания в Российском государстве, принудительное переселение человека в отдаленные регионы страны. Сибирь являлась основным местом ссылки преступников, где они обязаны были жить. В зависимости от тяжести преступления применялись и телесные наказания, и тюремное заключение, и принудительные работы. В Сибирь отправляли как политических преступников, которые выступали против власти и государства, так и уголовных: воров и убийц. Именно поэтому Сибирь стала ассоциироваться со страхом, с преступностью и ссылкой.

В романе «Хлеб» также упоминается сибирская ссылка: «Его приговорили к ссылке в не столь отдаленные места Сибири ...» [Мамин-Сибиряк 1984, 101]. Здесь студенты выделили уже известный для них образ Сибири: «место, где наказывали преступников, куда их отправляли жить и работать».

При обсуждении данного отрывка важно отметить устойчивую формулу «места не столь отдаленные», которая при первом уже упоминании отсылает нас к образу Сибири. Выражение использовалось в российском законодательстве до конца XX века. По закону, ссылка в Сибири была двух видов в соответствии с тяжестью преступления: «первое заключалось в направлении преступника в отдаленные места Сибири, второе – в не столь отдаленные» [Серов URL]. Этот оборот прочно вошел в язык писателей для обозначения тюрьмы и распространился как одна из главных характеристик Сибири. Ассоциация страха прямо выражена во фразе одной из героинь в

романе «Без названия»: «— А там страшно, папа?» [Мамин-Сибиряк 1916, 239].

Проанализировав первую группу лексем, мы получили образ страшного, недружелюбного края, места тюрьмы и ссыльных преступников, образ «другого царства».

Рассмотрим мифологему «родного края – дома», «сказочной страны», богатой и щедрой Сибири. В произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» Сибирь раскрывается как «новый мир», «мир богатств и сокровищ», как «земля силы», «земля-матушка».

В романе «Хлеб» Д.Н. Мамин-Сибиряк создает образ Сибири как «земли обетованной»: «... он готов был целовать **благодатную землю**, точно еврей после переселения **в обетованную землю**» [Мамин-Сибиряк 1984, 38]. Данный отрывок вызвал затруднение у иностранных студентов, так как слова «благодатный» и «обетованный» довольно редко употребляются в повседневной речи. Фразеологизм «обетованная земля» относит нас к библейской истории о том, как Бог привел евреев из Египта, где они были в плену, в Палестину – обетованную, т.е. обещанную землю. Данное выражение означает «место исполнения всех желаний, место, где царит всеобщее счастье, изобилие и покой; край, куда все стремятся попасть» [Серов URL]. Таким образом, Сибирь предстает как мечта, как место спасения, начала новой жизни, надежды.

Почему же Сибирь превращается в место, куда стремятся за новой жизнью? Далее в романе раскрывается картина богатого края, хлебной столицы, «живого» края. «Не разберешь, кто кого богаче. Не житье им здесь, а масленица...», «**Мужики богатые ...**» [Мамин-Сибиряк 1984, 4], «**картина зауральского крестьянского богатства**» [Мамин-Сибиряк 1984, 37]. «**Истинно страна, текущая млеком и медом**» [Мамин-Сибиряк 1984, 106]. Слово «богатство» и его словоформы стали определяющими при составлении образа Сибири иностранными студентами: «Сибирь – это богатая земля, где живут с достатком и без нужды». Лексика, которую использует Д.Н. Мамин-

Сибиряк для описания Зауральского края, своеобразна и интересна в лингвокультурологическом аспекте. В словаре В.И. Даля выражение «не житье, а масленица» – это то же, что и «достаток» [Даль URL], т.е. «отсутствие нужды» [Ушаков 2014, 126], «сладкая жизнь». Часто встречается слово «богатый» и его словоформы «богатые», «богаче», «богатства». Фразеологизм «млеком и медом» снова отсылает нас к библейской истории и также означает «изобилие, богатство».

О богатстве Сибири размышляет и герой романа «Без названия»: «... о **несметных сокровищах** Урала — ведь на всем земном шаре нет другого такого места, которое (...) сосредоточивало бы такое **неистощимое разнообразие** всевозможных **богатств**» [Мамин-Сибиряк 1916, 199]; «Какой **неистощимо богатый край!**» [Мамин-Сибиряк 1916, 247]; «Невероятная картина **всевозможных богатств**» [Мамин-Сибиряк 1916, 292]. При анализе данной группы предложений студентами были выделены лексемы: «сокровища», «разнообразии», «богатый». Таким образом, был представлен образ богатого края.

Особо отметим слова «несметных» и «неистощимое», обозначающие «большое количество», «неиссякаемость», «бесконечный», «богатый». Таким образом, богатство Сибири приобретает значение постоянства, будущее сибирской земли не вызывает сомнения: она будет процветать еще долгие годы. Об этом рассуждает и главный герой романа «Без названия»: «— Вся Сибирь **в будущем, .... будущем, настолько оно грандиозно**, начиная с **неисчерпаемых сибирских сокровищ**» [Мамин-Сибиряк 1916, 241]. Здесь мы можем говорить и о появлении нового мотива в образе Сибири, новой мифологемы: Сибирь – новый мир, мир будущего.

Богатство и благополучие Сибири объясняется и особым экономическим развитием края. В Сибири не было крепостного права, это был край свободных людей: «в Зауралье (...) **совсем не знали крепостного права, и экономическая жизнь** громадного края шла и **развивалась вполне естественным путем**» [Мамин-Сибиряк 1984, 15]. С этим связано и

представление о вольных, свободных сибиряках. Иностранцы студентам было сложно представить такой образ Сибири. Дополнительного разъяснения требовало понятие «крепостное право» и история края в целом.

Важным элементом создания ландшафтного образа Сибири является описание природы. Глазами героев романов мы видим сибирский, северный пейзаж, который отражал суровую действительность холодного климата и красоту сибирской природы одновременно. Например, «С каждым шагом вперед горная панорама делалась все суровее. По сторонам высились **каменные громады**, чередуясь с глубокими падами. (...) **сибирские кедры** — это **могучее дерево стояло такое зеленое, пышное, красивое неувядающей красотой**. И какая **чудная, нетронутая глушь**» [Мамин-Сибиряк 1916, 242]. Или: «Действительно, **картина была замечательная**. Глубокий Тобол шел по степи «в трубе», точно в нарочно прорытой канаве. Ключевая впадала с левой стороны, огибая отлогий мыс, известный под названием **Городища**» [Мамин-Сибиряк 1984, 20]. Природа Сибири действовала на героев благоприятно, восхищала и заставляла «покориться» этому далекому, неизведанному краю: «И какая **чудная, нетронутая глушь**. (...) Кажется, он еще **никогда не чувствовал себя так хорошо!**» [Мамин-Сибиряк 1916, 242]; «Иногда на Михея Зотыча **находило какое-то детское умиление**» [Мамин-Сибиряк 1984, 38]. Картины природы вызвали у иностранных студентов положительные эмоции. Они представили «картину красивого кедрового пейзажа».

Герои романов Д.Н. Мамина-Сибиряка приехали покорять Сибирь, «завоевывать» и осваивать ее. Но она стала для них домом: «Каждый начинал чувствовать себя дома — это великое чувство, которое дает смысл жизни». Мы видим, как трансформируется мифологема «свой» — «чужой». Сибирь становится своим местом, домом для тех, кто готов понять и полюбить этот край. Кроме того, в романе «Хлеб» Сибирь не только не чужая сторона, она предстает в образе земли-матери, которая заботится о своих «детях»: «...земля-матушка сама родит» [Мамин-Сибиряк 1984, 4].

Проанализировав вторую группу лексем, мы сделали вывод, что основными являются лексемы «богатство», «сокровище», «неистощимый», «замля-матушка», «замечательная картина», «будущее». Д.Н. Мамин-Сибиряк разрушает мифологему «чужой» страны, «отсталой, бедной Сибири».

В романах Д.Н. Мамина-Сибиряка Сибирь многолика. Встречаются характеристики: «по сибирскому обычаю», «не дураки выпить», «Сибирь вообще не богомольна», «всего было вволю», «мертвая сибирская косность», «энергичная сибирская женщина» «это была сказка, сон наяву...» и др. Эти выражения доказывают, что образ Сибири многогранен. Ключевой, на наш взгляд, образ прекрасного края, который, несмотря на его отдаленность от центра России, является частью всего российского мира. Природа влияет на быт людей, на развитие промышленности, на склад характера человека, выступает в роли матери-природы, матери-земли. Несомненно, Д.Н. Мамин-Сибиряк показывает, что только в единстве с природой человек способен понять и окружающий мир и себя самого.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория пространства – важный элемент создания целостной картины мира произведения. Интерес к изучению пространства связан с открытиями семиотики, феноменологии и геопоэтики. Попытку осмыслить географический топос как целостную систему связывают также с развитием урбанистики, геокультурологии, лингвострановедения и ряда других наук, стремящихся выявить связи между языком, мышлением и культурой.

В данном исследовании категория пространства рассматривается как феномен культуры. Определить, как связаны язык и культура, как литературный ландшафт влияет на формирование ментального образа места, призван геокультурный подход. В рамках геокультурного подхода выявляются культурно-географические образы, представляющие конкретные локальные топосы.

В ходе исследования мы выяснили, что геокультурный топос – это не просто место, имеющее определенные границы, это ландшафт, способный создавать и изменять ментальный образ пространства. Именно поэтому пространство может рассматриваться как базовый элемент художественного текста, в тесной связи с другими его элементами или в составе устойчивых комплексов. Например, существуют исследования пространства дома или усадьбы, с точки зрения геокультурного подхода изучаются топосы провинции, города, края и др. В данной работе были рассмотрены образы сибирского города и края в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия».

Изучение «сибирского текста» началось в конце XX века. В русской литературе были выявлены два противоположных образа Сибири: «гиблкое» место, «чужая сторона», «место ссылки и изгнания» и «прекрасная земля», «родной край», «дом». Исследование геокультурного топоса ведется во многих направлениях: изучается поэтика ландшафта, его семиотика, способы художественной репрезентации, проблемы интертекстуальности.

Итак, проанализировав образы сибирского города и сибирского края в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» мы пришли к следующим выводам.

В творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка Сибирь занимает особое место. Как человек, родившийся и живший на Урале, писатель обладает особым видением картины жизни сибирского края. В основе романов лежат собственные наблюдения и опыт жизни в Сибири Д.Н. Мамина-Сибиряка, документальное начало повествования строится на основе архивных источников, привлекаемых писателем. Это делает произведения писателя ценным материалом для изучения истории страны и региона, его культурных особенностей, традиций и уклада жизни в Сибири.

Сибирь в романах «Хлеб» и «Без названия» – яркий, многоликий и противоречивый край. Авторское восприятие родной земли повлияло на способы создания образа сибирского края как «обетованной земли», «земли надежд», «богатого и плодородного края», «дома», в отличие от традиционной мифологии Сибири как «чужой страны», «мрачного и холодного края», «бедного и отсталого региона», «тюрьмы».

Д.Н. Мамин-Сибиряк создает целостный образ Сибири. Структура ландшафта включает в себя: природное начало сибирской земли, ее климатические условия, историю края, его культуру и традиции, поэтику бытового поведения человека и особый «сибирский характер» местного жителя. В романах «Хлеб» и «Без названия» сибирская земля изображается как *«богатый край»* («Не разберешь, кто кого богаче», «Какой неистощимо богатый край!»), *«сокровищница»* («неисчерпаемые сибирские сокровища», «о несметных сокровищах Урала»), *«плодородная, благодатная земля»* («целовать благодатную землю», «земля сама родит»). У Д.Н. Мамина-Сибиряка символика сибирского края связана с мотивами *«надежды на новую жизнь»* («целовать благодатную землю», «переселение в обетованную землю»), *«грядущего благополучия»* («божецкая благодать», «такого угодного места не сыщешь»).

Сибирский край – земля, где даже «лишний человек» найдет свое место, окажется востребованным, обретет веру в свои силы. Так, писатель разрушает мифопоэтику Сибири – «чужой стороны» – и создает новую в образах *«сибирской земли-матушки»*, которая заботится о своих «детях» – коренных сибиряках и «переселенцах», и даже оказавшихся здесь не по своей воле ссыльных и беженцев («сибирская земля-матушка сама родит», «земля здешняя приютит и укроет каждого»), и *«свободолюбивой, вольной земли»* («не знала крепостного права», «земля сибирской вольницы», «какой свободный разговор»).

В романах «Хлеб» и «Без названия» сохраняется мифологема «отделенности», «обособленности» сибирского края от России. Но в отличие от традиционного образа «отсталого, неразвитого» региона, «глухой провинции», писатель изображает *«хлебный» край, «страну, текущую млеком и медом», «край прогресса»* и *«промышленного взрыва»* («... в Тюмени, где сосредотачивалась вся навигационная деятельность», «... сравнивал этот благодатный край с бедной Россией», «перекресток торгового пути из России на Север»).

В то же время, противопоставляя Сибирь России, Д.Н. Мамин-Сибиряк связывает судьбу Сибири с освоением Америки, подчеркивает общность «открытия этих стран», их «промышленный взлет». Здесь мы видим один из ключевых мотивов в творчестве писателя – *мотив «освоения»* края («Калифорния была пустыней, как наша Сибирь»). Доминантными мотивами выступают мотивы «открытия» и «подчинения» природы человеком. Вывод, к которому приходят герои романов, очень важен: человек должен отказаться от позиции своего превосходства над природой, и только тогда он сможет обрести гармонию с миром. Особо ярко это выражено в финале романа «Без названия», где «чужаки», «пришлые», «освоители» становятся *«своими», истинными сибиряками»* («Вообще хорошо. По крайней мере, я себя так чувствую...»), обретают свой дом.

Ландшафт сибирского города в романах «Хлеб» и «Без названия» представлен разнообразно: Запольем (Шадринском) – *«хлебной столицей»*, Екатеринбургом – *«промышленным и экономическим центром»*, Тюменью – *«центром парходства и навигации»*, Пермью – *«городом мастерских и заводов»*, Ирбитом – *«главной ярмаркой Сибири»*.

Мифологема сибирского города отличается у Д.Н. Мамина-Сибиряка от традиционной: город обладает границами, которые отделяют сибирский *«развивающийся, живой город»*, Екатеринбург, от «губернской» Перми. Именно Екатеринбург выступает в романах Мамина *«столицей»* края («Вот так город: Москвы уголок! Наша Уральская столица!»). Таким образом, Екатеринбург подобен Москве, промышленной, купеческой «столице» России. Тюмень в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка изображается *«богатой»*, *«зажиточной»*. Город олицетворяет *«ворота Сибири»*, *«будущее региона»*, *«начало северного торгового пути»*. Такой взгляд на пространство России и Сибири раскрывает особенности ландшафтного мышления Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Итогом исследовательской работы явилось проведение урока по теме «Ландшафт Сибири в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Без названия» в иностранной аудитории. На первом этапе урока иностранным студентам было предложено проанализировать отрывки, характеризующие сибирский ландшафт в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка, представить на их основе образ Сибири. В ходе сопоставления ответов обучающихся, мы выяснили, что в иностранной среде бытует традиционная мифология Сибири. Ответы респондентов распределились следующим образом: у 100% студентов возникает образ *«далекой страны» «с холодным климатом и дикой природой»*; 80% опрошенных представляют образ *«вечной зимы» и «безграничного пространства снега»*; 65% связывают Сибирь с местом *«мрачных людей»*; 30% респондентов представляют Сибирь *«отдельной загадочной страной»*; для 80% студентов Сибирь – *«край бескрайних и диких лесов, болот и диких животных»*; у 65% опрошенных присутствуют

сказочные представления о людях, **«ведущих природный образ жизни»**; 30% назвали регион **«землей богатой лесами и природными ресурсами»**, 16% – **«краем нефти»**. Мы связываем такое представление о сибирском крае с недостатком фоновых знаний о регионе.

На втором этапе урока мы познакомили иностранных студентов с личностью Д.Н. Мамина-Сибиряка, основными этапами его жизни и творчества, ключевыми темами его произведений. Здесь же студентам было предложено проанализировать поэтику заглавий романов «Хлеб» и «Без названия». Обучающиеся предположили, что «хлеб играет важную роль в жизни и культуре нашей страны, поэтому автор решил вынести его в название романа». Заглавие второго романа – «Без названия», вызвало затруднение у иностранных студентов, так как для его интерпретации необходимо обладать фоновыми знаниями об истории Сибири.

Следующий этап урока – непосредственный анализ сибирского ландшафта в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка. Чтобы определить, какой образ преобладает в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка, мы распределили ключевые лексемы на группы, которые соответствуют двум мифологическим руслам пространства Сибири. Проанализировав первую группу лексем, иностранные студенты выявили образ страшного, недружелюбного края, места тюрьмы и ссыльных преступников, образ «другого царства». Изучение второй группы лексем определило, что основными являются лексемы «богатство», «сокровище», «неистощимый», «замля-матушка», «замечательная картина», «будущее». Д.Н. Мамин-Сибиряк разрушает мифологему «чужой» страны, «отсталой, бедной Сибири». Таким образом, иностранные студенты пришли к выводу, что в романах «Хлеб» и «Без названия» доминирующим является образ **«прекрасного края»**, который, несмотря на его отдаленность от центральной России, является **«частью всего российского мира»**. Природа влияет на быт людей, на развитие промышленности, на склад характера человека, выступает в роли **«матери-природы»**, **«матери-земли»**.

Мы пришли к выводу, что для интерпретации лексики иноязычному читателю необходим определенный набор фоновых знаний. Лингвокультурологический комментарий призван восполнить недостаток знаний об истории, географии и о культуре страны. В работе мы рассмотрели несколько видов лингвокультурологического комментария к тексту и составили комментарии словарного, историко-социального, лингвострановедческого характера для объяснения отдельных слов и выражений, используемых в текстах романов Д.Н. Мамина-Сибиряка. На наш взгляд, лингвокультурологический комментарий имеет преимущество перед адаптацией или переводом текста, особенно художественного. Ни адаптация, ни перевод не способны отразить своеобразие авторского стиля и особенности художественного замысла.

Использование лингвокультурологической информации в учебном процессе способствует активизации коммуникативных способностей студентов, обеспечивает расширение лексического запаса и фоновых знаний об истории страны изучаемого языка. Поэтому геокультурный и лингвокультурологический комментарий художественного произведения должны быть включены в методологию работы с текстом на уроке русского языка как иностранного. Язык неразрывно связан с культурой народа. Каждая культура создает собственные репрезентативные образы географического ландшафта. Таким образом, геокультурные топосы становятся трансляторами культуры. Студент, изучающий иностранный язык, должен воспринимать образ другой страны как систему иного видения мира, комплекс особых национальных знаков и символов. Изучение геокультурного пространства в художественном тексте способствует расширению лексического запаса студента и развитию его языковых компетенций.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**

1. Абрамов В.П., Абрамова Г.А. Художественный текст в иностранной аудитории: проблемы анализа и интерпретации // Русский язык и культура в пространстве Русского мира. Материалы II Конгресса РОПРЯЛ. Санкт-Петербург, 26-28 октября 2010 г. / Под ред. Е. Е. Юркова, Т. И. Поповой, И. М. Вознесенской, А. С. Шатилова. В двух частях. Т. 2. Санкт-Петербург: Издательский дом «МИРС», 2010. С. 425-430.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
3. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз. Курсы, 2002. 256 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. М.: Флинта, 2010. 224 с.
5. Алиева Ч.Э. Феноменология: Э. Гуссерль и М. Хайдеггер // Материалы научной конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. Серия "Symposium", Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации, 2001. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/alieva-che/fenomenologiya-egusserli-mhaydegger>.
6. Андреев В.Е. Понятия «литературного гнезда» и «литературного ландшафта» в изучении тамбовского литературного наследия // Вестник ТГУ. 2007. №7 (51). С. 130-134.
7. Анисимов К.В. Проблемы поэтики Сибири XIX начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: Автореферат. Томск, 2005. 48 с.
8. Анисимов К.В., Разувалова А.И. Два века две грани Сибирского текста: областники vs «деревенщики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. №1 (27). С. 75-101.

9. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. М.: Худож. лит., 1975. 505 с.
10. Бахтин М.М. Собрание сочинение в семи томах. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.) / М.М. Бахтин. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
11. Башкирова О.А., Суслов И.Н. Образ Сибири в произведениях писателей нашего края // Омский научный вестник. 2012. №2 (106). С. 177-180.
12. Бирюкова М.С. Лингвокультурологическая компетенция: содержание и теоретические основы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. №4 (40). [Электронный ресурс]. URL: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=45>.
13. Бирюкова М.С. Научные подходы к определению лингвокультурологической компетенции // Наука вчера, сегодня, завтра / Сб. ст. по материалам XXXV междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. №6 (28). С. 39-46.
14. Власова Е.Г. Урал в путевых очерках П.И. Мельникова-Печерского и Д.Н. Мамина-Сибиряка: взгляд извне и изнутри // Вестник Пермского университета. 2013. №1 (21). С. 108-113.
15. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз. (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного), 1990. 246 с.
16. Герасименко И.Е. Лингвокультурология как комплексная научная парадигма // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. №3 (23). Т.2. [Электронный ресурс]. URL: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=26>.

17. Груздев А. Д.Н. Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Правда, 1958. С. 13-38. [Электронный ресурс]. URL: [http://az.lib.ru/m/maminsibirjak\\_d/text\\_0630.shtml](http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0630.shtml).
18. Груздев А.И. Хлеб. Примечания. // Д.Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: Изд. «Правда», 1958. С. 445-448.
19. Гудкова Е.Ф. Теоретические аспекты анализа пространственно-временных (хронотоп) ориентаций художественной литературы. [Электронный ресурс]. URL: <http://guuu7.narod.ru/Hronotop.htm>.
20. Гудкова Е.Ф. Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII-XIX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://guuu7.narod.ru/HS.htm>.
21. Даль В.В. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. [Электронный ресурс]. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl\\_proverbs/6570/%D0%9D%D0%B5](https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/6570/%D0%9D%D0%B5).
22. Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870-1890-х годов. [Электронный ресурс]. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl\\_proverbs/6570/%D0%9D%D0%B5](https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/6570/%D0%9D%D0%B5).  
[http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49156/1/dc\\_2002\\_002.pdf](http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49156/1/dc_2002_002.pdf).
23. Долинина И.В. Художественный текст как объект лингвокультурологического анализа // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. №5 (19). С. 83-92.
24. Житие протопопа Аввакума: Опыт перевода на современный русский язык / пер. Н.В. Поньрко. СПб.: Изд. дом «Пушкинский дом», 2010. 128 с.
25. Замятин Д. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т.9. 2010. №3. С. 26-50.
26. Замятин Д.Н. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. №1. С. 125-137.

27. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. М.: Знак, 2006. 488 с.
28. Иванова Н.В. «Литературные путешествия» в Сибирь: поэтика «Писем с берегов Лены» Н.С. Щукина и «Писем из Сибири» П.А. Словцова // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. №1. С. 186-192.
29. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskii-aspekt-issledovaniya-yazykovykh-edinits>.
30. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
31. Калущков В.Н., Матасов В.М. Литературный ландшафт и вопросы его развития (на материале Пушкиногорья) // Географический вестник. 2017. №1 (40). С. 25-34.
32. Кандрашкина О.О. Категория пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.13. 2001. №2 (5). С. 1217-1221.
33. Карапетян О.В., Мясковская Т.В. Лингвострановедение как наука // Альманах современной науки и образования. 2012. №4 (59). С. 117-120.
34. Корнев И.Н. Географический образ Урала в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка // География. 2003. №6. [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300603>.
35. Костин А.В., Антипина Е.С., Сапожникова О.В. Лингвокультурологическая интерпретация художественного текста в иностранной аудитории // Мир русского слова. 2017. №2. С. 79-85.

36. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения: Межд. сб. научн. трудов. Т. 1. 2002. С. 202-214.
37. Лавриненко Е.А. К проблеме возникновения, развития и актуальности лингвокультурологического подхода к изучению русского языка как иностранного // Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2007. №4. С. 18-16.
38. Ланцевская Н.Ю. Семиотика пространства провинции как источник развития имиджа места // Культурология. 2014. №5. С.423-427.
39. Литература Тюменского края: Книга для учителя и ученика / под ред. Н.А. Рогачевой. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.
40. Ломоносов М.В. Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 115-121. [Электронный ресурс]. URL: [http://rvb.ru/18vek/lomonosov/01text/01text/01ody\\_t/010.htm](http://rvb.ru/18vek/lomonosov/01text/01text/01ody_t/010.htm).
41. Лотман Ю.М. К проблеме пространственной семиотики // Труды по знаковым системам. Т. XIX: Семиотика пространства и пространство семиотики / Сост. Ю.М. Лотман. Тарту, 1986. С. 3-6.
42. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 2010. 706 с.
43. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 285 с.
44. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. Т. XII: Структура и семиотика художественного текста / Отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1981. С. 3-7.
45. Лубский А.В. Геокультурная парадигма региональных научных исследований // Теория и история культуры. 2015. №1 (56). С. 7-10.
46. Лучинина Е.Н. Лингвокультурология в системе гуманитарного знания // Критика и семиотика. 2004. №7. С. 238-243.

47. Макарова Е.А. Роль Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в становлении культурного регионализма в Сибири // *Studia Culturae: Symposium*. 2016. №1 (27). С. 105-117.
48. Максимовских А.Г. Лингвокультурология как новое направление современной лингвистики // *Альманах современной науки и образования*. 2009. №8 (27). Ч.1. С. 88-90.
49. Мамин-Сибиряк Д.Н. Хлеб / Д.Н. Мамин-Сибиряк. М.: Правда, 1984. 448 с.
50. Мамин-Сибиряк Д.Н. Без названия // Мамин-Сибиряк. Полное собрание сочинений. Т. VI. Петроград: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1916. С. 185-369.
51. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
52. Мигунова Е.Ю. От «ландшафта» в географических науках до «культурного ландшафта» и «географии искусства» в гуманитарных науках // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. №7 (33): Ч. 2. С. 98-102.
53. Митрофанова Л. Водочный король Зауралья. А.Ф. Козелл-Поклевский в творческом наследии Д.Н. Мамина-Сибиряка [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2008/1/mi34.html>.
54. Митрофанова Л. Д.Н. Мамин-Сибиряк в контексте литературной, общественной и культурной жизни Урала 1880-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2007/11/mi8.html>.
55. Михеева Л.Н. Лингвокультурная ситуация: теоретический и прикладной аспекты // *Вестник РУДН*. 2013. №2. С. 5-10.
56. Михеева Л.Н. Формирование лингвокультурологической компетенции у студентов в процессе межкультурной коммуникации // *Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки»*. 2013. №4 (3). С. 241-244.

57. Мощинская Н.В. Развитие лингвокультурологической компетенции инофона в процессе обучения русскому языку как иностранному. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for\\_lang/2010\\_02/14.pdf](http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/14.pdf).
58. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
59. Панарина Д.С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. 2013. №13 (Т.2). С. 39-52.
60. Повалко П.Ю. Пространство и время как категория художественного текста // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. №3. С. 106-112.
61. Подрецкая Г.Н. Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка как иностранного // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: Материалы VI Междунар. науч.-метод. конф. 16-17 мая 2013 г., Минск / редкол.: С.И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 90-92.
62. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. №11. С. 87-94.
63. Разуvalова А.И. Трансформации образа Сибири в русской прозе 1950-1960-х годов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №4. С. 93-102.
64. Сабина А.А. Художественный текст в иноязычной аудитории: этап восприятия и интерпретации // Вестник ТГУ. 2009. №4 (72). С.141-144.
65. Семиотика города и городской культуры. Петербург: Труды по знаковым системам XVIII / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1984. 142 с.

66. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / отв. ред. В.В. Серов. М.: Изд. «Локид Пресс», 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.ru/encSlov/index.htm>.
67. Соболева Л. Природные стихии в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // *Quaestio Rossica*. 2015. №2. С. 52-70.
68. Соколова Т. К проблеме изучения художественного пространства и времени в литературном произведении // *Studia Slavica*. 2016. №10. С. 123-135.
69. Субботина Т.В. Локус, топос, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 24 (239). С. 111-113.
70. Сунна Турома Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана: опыт переосмысления // *Новое литературное обозрение*. 2009. №98. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/tu8.html>.
71. Топоров В.Н. Пространство и текст // *Текст: семантика и структура*. М.: Наука, 1983. С. 227-285.
72. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. 3-е изд. М.: Изд. центр «Академия», 2009. 336 с.
73. Уланович О.И., Кувик И.В. Формирование лингвокультурологической компетенции учащихся в контексте инновационной деятельности в образовании // *Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сборник научных трудов*; отв. ред. О.И. Уланович. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 153-159.
74. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
75. Федюковская М.Г. Роль этнопсихологических факторов в обучении британских студентов русскому языку: Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=271>.

76. Фонвизин Д.И. Недоросль [Электронный ресурс]. URL: <http://obrazovaka.ru/biblioteka/fonvizin/nedorosl-chitat-online>
77. Фортунатова Е.Ю. Культурологический подход к формированию умений восприятия художественных текстов при обучении русскому языку как иностранному: Автореферат диссертация на соискание ученой степени канд. пед. наук, 2004. 23 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-pedagogika.com/viewer/117620/a?#?page=22>.
78. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.
79. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
80. Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного / Сост. Л.В. Московкин, А.Н. Щукин. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 552 с.
81. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения / Составление тома Ю.Л. Мандрики. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.
82. Шаклеин В.М. Лингвокультурология. Традиции и инновации: Монография. [Электронный ресурс]. URL: [https://books.google.ru/books?id=uba4AAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs\\_ge\\_summary\\_r&cad=0#v=onepage&q&f=false](https://books.google.ru/books?id=uba4AAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false).
83. Штейникова Н.В. Лингвокультурологический аспект обучения иностранных студентов русскому языку в период довузовской подготовки // Вестник АГТУ. 2013. №1 (55). С. 88-91.
84. Эртнер Е.Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №1. С. 6-12.
85. Эртнер Е.Н. Образ сибирского дома в русской прозе конца XIX начала XX веков: феномен территориальности // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. С. 39-45.

86. Эртнер Е.Н. Традиции восприятия Сибири как «царства» и «страны» Г.Ф. Миллера в литературе Тюменского края XVIII XIX столетия. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2005/ertner-e.n.-tyumen-rossiya-tradiciya-voSPIriatiya>.
87. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIXначала XX века: Монография.Тюмень: Изд. Тюменского государственного университета, 2005.212 с.
88. Язык. Семиотика. Культура. М.Ю. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / сост. А.Д. Кошелев.М.: Гнозис, 1994.560 с.
89. Kadri Tuur Semiotics of nature representations: on the example of nature writing / Kadri Tuur.University of Tartu: Press, 2017. 257 с.
90. Robert T. Talli Jr. Spatiality / Robert T. Tally Jr.London, New-York: Routledge, 2013. 193 с.